

16+

ЛОВЕЦ

АНАСТАСИЯ МЕДВЕДЕВА

Анастасия Павловна Медведева

Ловец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688702

SelfPub; 2022

Аннотация

До встречи с ним она словно спала. А он... не планировал "будить" спящую красавицу: у его приезда в Россию была чётко поставленная цель. Однако у судьбы на эту пару были свои планы – и вот события в жизни Стаси и Чон У начинают развиваться словно по сценарию драмы, в которой найдётся место и для героя в маске, и для любви, и для мести, и для счастливого конца...

Содержание

Глава 1. О том, как началась эта история	4
Глава 2. О том, как эта история получила неожиданное продолжение	27
Глава 3. О том, что случилось дальше	58
Глава 4. Пробуждение	81
Глава 5. Первые шаги	97
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Анастасия Медведева

Ловец

Глава 1. О том, как началась эта история

Когда же всё это началось?..

Кажется, это был самый обычный день. Ничто тогда не предвещало появления в моей жизни чего-то подобного. Вот, от слова – совсем.

Кто-то может сказать: судьба! Но лично я предпочитаю слово «рок»...

«Судьба» для меня ассоциируется с чем-то светлым: мол, выглянуло солнышко из-за тучки, светом озарило улицу, и от блика на дверце, проезжавшей мимо, иномарки *Она* зажмурилась, прикрывая лицо; а когда открыла глаза и опустила руку – увидела *Его*. В удлиненном пальто (да, в моих фантазиях на молодом человеке именно удлиненное пальто серого цвета), модных синих джинсах (именно «модных»: простые штанишки не подойдут, молодой человек должен следить за трендами, иначе никак) и кожаных ботинках (комплексы из детства; без комментариев). Он подошёл бы к *Ней* и убрал с

лица локон волос... а потом сказал своим приятным голосом что-то вроде: «Я ждал тебя так долго»...

Ууу! Какая милота-а-а! И неважно, почему он сказал именно это, и почему именно её он ждал, – чем она вообще так отличилась?.. – самое главное, что он признаёт тот факт, что теперь они будут неразлучны вопреки всему! Солнце светит, росинки на травке блестят, в сердцах влюбленных появляется надежда, а «долго и счастливо» уже маячит где-то за углом...

Да, так было бы идеально. И я понятия не имею, почему даже в своих фантазиях не ставлю себя на место этой счастливой девушки, а наблюдаю как бы со стороны...

Возможно, всё дело во въевшемся в мозг «реализме»? Я не отношу себя ни к оптимистам, ни к пессимистам: я – именно реалистка. В смысле, пофантазировать-то могу, но не уделяю этому занятию больше десяти минут в день, ибо время – деньги. А мне ещё ипотеку за отца выплачивать, так что...

Но я отвлеклась!

А началось всё это...

– Стася, завтра выйдешь на смену! – Олег вписывает моё имя в график, абсолютно игнорируя недоумение на моём лице.

– Но я же предупреждала, что у меня ночная смена в клубе! – замечаю, ничего не понимая.

Он издевается, что ли? У нас же давняя договоренность!

– Карина заболела, она выйти не сможет, – спокойно отвечает администратор нашего кафе.

– Она не заболела, – также спокойно замечает Рита, которая сегодня вместе со мной стоит на кассе.

Вообще, Рита никогда не принимает ничью сторону, она просто рубит правду-матку, за что я её очень уважаю.

– Мне по телефону было сказано иное. Хочешь вирус от неё подхватить? Так я тебе быстро организую, – равнодушно отзывается Олег, – а твои подработки меня меньше всего интересуют, – бросает он мне и, не дожидаясь наших комментариев по этому поводу, уходит в свой кабинет.

Обвожу кафе усталым взглядом. Народу сегодня много, зал у нас большой, нагрузка двойная – потому что пятница... освобожусь я в десять, а ночью у меня смена в клубе. Обычно после суток на ногах я отсыпаюсь до вечера... но провидение сегодня немилостиво ко мне. Надеюсь, завтра выживу на кофе. А уж ночью... отосплюсь за двое суток, ага.

– Удачи, – пожелание от Риты звучит почти приговором.

Когда смена в кафе подходит к концу, я мчусь домой – переодеваться и приводить себя в порядок. Хорошие чаевые мне очень пригодятся – сегодня днём с этим делом не густо было. Смена за барной стойкой в ночном клубе делает из меня человека-робота: к пяти утра я уже вообще мало что соображаю, но помню, что у меня есть заветные четыре часа на сон, если я решу добираться до дома. И пять часов на сон

– если попытаюсь уснуть на диване в подсобке...

Нет, диван меня сегодня добьёт.

Придется пожертвовать одним часом, но уложить своё тело на нормальный матрас. Закрываю кассу, взмахом руки прощаюсь с охраной, выхожу из служебных дверей и иду по узкому переулку.

– Это она, – слышу чей-то голос.

И это повезло, что я его слышу: ведь буквально пару секунд назад в моих наушниках играл трек любимой группы, который не давал мне заснуть на ходу... и в тот момент, когда он закончился, я услышала сие немаловажное утверждение.

Нахожу пальцем регулятор громкости на телефоне, не доставая руки из кармана. Не спешу паниковать: на меня не могут напасть. Это просто невозможно...

Не сегодня, в конце концов.

– Эй, ты!

Чёрт.

Останавливаюсь. Бежать вперёд – бессмысленно: догонят. Да и сил на такие атлетические подвиги просто нет. С обеих сторон – стены домов. Позади – неизвестное количество нехороших ребят.

Поворачиваюсь и смотрю на своих преследователей. Их шестеро.

Достаю один наушник, показывая, что готова слушать. Очень надеюсь, что выражение моего лица отпугнёт желаю-

щих поразвлекаться с моим усталым телом: лично меня оно по утрам в зеркале очень отпугивает. Ещё больше надеюсь, что вышло какое-то недоразумение, и ребята обращались не ко мне, а к кому-то невидимому рядом со мной...

– Это ведь она, да? – переглядываясь со своими друзьями, произносит самый низкий из шестёрки.

Блин. Кажется, им нужна именно я.

– Ага, – кивает ему второй, подтверждая, что, мол, да: она – это я.

Молчу. Подтверждать свою личность не тороплюсь. Хочу понять, чего им от меня надо. Ещё больше хочу, чтоб от меня отстали и отпустили спать.

– Не боишься, – замечает коротыш, а затем усмехается, – думаешь, защищена?

Ну, вообще-то да. Я защищена.

Но, если они об этом не знают, то...

Коротыш неожиданно подходит вплотную (а коротыш он только по сравнению со своими друзьями) и стягивает бейсболку с моей головы.

– А ты хорошенькая. Это я тебя правильно приметил, – хмыкает он, разглядывая меня, как ценитель – яйцо Фаберже.

Так... «приметить» меня он мог только за стойкой бара, так что, выходит, они ведут меня из клуба.

Но почему они не знают, что...

– Эй, ты – отмороженная, что ли? Реагировать как-то бу-

дем? – вопрошает молодой человек, встряхивая меня за плечи.

Морщусь. Чего им от меня надо? Чтобы я завизжала? Или чтобы разревелась с мольбой – не трогать меня?.. Я при всём желании сейчас ни слезинки не выдавлю. В ушах звенит, глаза норовят закрыться, а тело мечтает перестать держать меня в вертикальном положении.

Неужели трудно было «приметить» кого-нибудь другого – менее загруженного по работе?.. Почему именно я и именно сегодня?..

– Реально отмороженная! – усмехается ещё один.

Как бы им пояснить-то...

– Тебе по щекам надавать, чтоб отмерла? – хохотнув, спрашивает коротыш и замахивается правой рукой.

С недоверием слежу за полётом его ладони, как в какой-то замедленной съёмке... это же не может быть правдой? Как такое вообще возможно?..

Зажмуриваюсь, ожидая вспышки боли... но ничего не ощущаю. А в следующую секунду моё тело резко утягивает куда-то в сторону, после чего прижимает к чему-то теплему.

Открываю глаза и осознаю, что дышу в чью-то куртку. Пытаюсь поднять голову и утыкаюсь взглядом в черный тканевый респиратор, скрывающий лицо человека, который меня защитил.

Меня защитили?..

Если бы мой мозг работал в нормальном режиме, я бы

испугалась или ещё как-то отреагировала, но сейчас, после суток на ногах, единственное, о чём я могла думать, это о том, что я – героиня из корейской драмы «Городской охотник»... И возможно всё это – мой сон за барной стойкой...

Ущипнув себя за ногу, убеждаюсь, что не сплю. Потом вспоминаю, что в городе началась неделя борьбы за чистое небо, и это акция от молодежи – ходить по улицам в респираторах... Так что никакой это не Ли Мин Хо...

Ладно. Тогда кто это?

Пытаюсь немного отстраниться, чтобы разглядеть лицо, но в этот момент мой защитник передвигает меня за свою спину и принимает на себя несколько ударов от моих преследователей.

Ну, как – принимает? Он их блокирует, а потом атакует нападавших. И делает это со скоростью Брюса Ли, честное слово.

В некотором смысле, стою шокированная. Потому что мозг всё ещё отказывается нормально реагировать на происходящее и впрыскивать в кровь адреналин – или что там происходит в подобных случаях?..

Стою пять секунд. Стою десять секунд.

Парни заняты своими мужскими разборками...

Достаю телефон из кармана, проверяю время. Спать остаётся всё меньше и меньше.

Обнимаю себя за плечи, спасаясь от прохладного весеннего ветра.

– Извините пожалуйста, – вежливо обращаюсь к своему защитнику.

Тот оборачивается на меня, перед этим отбив очередной удар.

– Можно я пойду? – с мольбой на челе спрашиваю молодого человека, – Вы же тут и без меня справитесь?..

Про себя отмечаю, что глаза у него миндалевидные... красивые такие. Удивленные.

Молодой человек, кажется, хмурится – под капюшоном не видно, – а затем кивает, отпуская меня на свободу.

Искренне благодарю его и иду домой.

Тело говорит мне о том, что сегодняшний день оно не переживёт. Уговариваю тело быть сильным...

Когда добираюсь до квартиры, падаю на постель в чём есть и вырубаюсь в следующую же секунду.

***

– Ты там закончил? – звучит голос из наушника.

– Да. Ребята хиленькие оказались, – отвечает молодой человек, разглядывая простую черную бейсболку, а затем натягивает на лицо капюшон.

– Зачем вообще на них отвлёкся? Мог бы послушать, чего от неё хотели, – замечает голос в наушнике.

– Ясно, чего хотели, – сухо произносит молодой человек; отходит от лежащих на земле тел и смотрит в ту сторону, ку-

да ушла девушка, – Как-то не тянет она на дочь преуспевающего влиятельного бизнесмена.

– Её отец в тюрьме – это нормально, что она не ходит с высоко задраным подбородком, – фыркает голос.

Молодой человек поправляет наушник, разворачивается в противоположную сторону и идет к припаркованному у обочины внедорожнику.

– Что-то здесь не так. Она проработала всю смену в кафе, а потом ночную смену – в клубе. Не похоже, что она в деньгах купается, – замечает он, открывая дверцу машины.

– Может, прячет наворованные денежки? – лениво протягивает голос.

– Выясним, – коротко отвечает молодой человек, после чего машина трогается с места.

***

Открываю глаза. Закрываю глаза. Мир, пожалуйста, подожди. Дай ещё хоть пять ми...

«I'm on the Hellevator!» – во всеуслышание сообщает мой телефон, заливая комнату мелодией единственной песни, способной меня разбудить.

Группа Stray kids с их «Hellevator» – мои спасители. Остальные треки мой мозг почему-то игнорирует: я из-за этого даже пару раз начало смены проспала, после чего мне влетело от Олега так, что нынче я не имею права даже оспо-

ритель его мнение – не говоря уж о том, чтобы прямо «нет» сказать...

В общем, встаю.

Плетусь в душ, просыпаюсь под едва теплой водой. Специально не включаю горячую. Нет, не то, чтобы я экономила... Просто под горячей я не проснусь. Да.

Каждый раз себя в этом убеждаю.

После омовений тела в стиле «Солдата Джейн», иду на кухню и пью воду. Это мой завтрак. Привет, пустой холодильник.

Далее у меня заход в комнату и выбор одежды на работу. В этой кофточке ходила, в этой ходила, остаётся только... натягиваю майку на бретельках, а сверху – пуловер, которому в этом месяце исполнится пять лет; следом – джинсы и носки. Всё, я готова.

Бейсболку на голову и...

Останавливаюсь. Где моя бейсболка? Осматриваю единственную полку, на которой может быть моё спасение от солнца по утрам, от взглядов людей – когда моя голова грязная, и от простуды – когда волосы мокрые. Не нахожу бейсболку.

– Чёрт, – ругаюсь вслух и иду сушить волосы феном.

Где я её потеряла? Напрягаю мозг, тот в ответ выдаёт мне какие-то смутные воспоминания о встрече с шестёркой бандитов и о парне в маске... Эй, это же был мой сон! Зачем путать реальность с игрой воображения?! Зачем вообще тра-

тить энергию на запоминание подробностей из сновидения?!

– Плохой, плохой мозг, – сообщаю части своего организма, рукой подбадривая свои волосенки у корней – гордо встретить новый счастливый день.

Волосы игнорируют моё желание сделать их объемными, и остаются висеть на голове, как приговоренные к смертной казни.

О, они меня добьют сегодня!!!

Осторожно откладывая фен в сторону: он у меня ветеран. Он старше местных третьеклассников, так что с ним нужно обращаться бережно.

Иду в прихожую, обуваюсь, закидываю рюкзак на плечо и выхожу из квартиры.

Здравствуй, суббота! Здравствуй, город! Здравствуй, Мона в наушниках! Надо держать голову выше! Вчера был неплохой улов в клубе; если сегодня кто-нибудь расщедрит-ся на чай, то, можно считать, на ипотечную выплату я уже накопила! А ещё только середина месяца!

Надеюсь, Рита позволит мне съесть какой-нибудь вчерашний эклер...

Пока добираюсь до кафе, настроение и вовсе становится неприлично хорошим. Да, я проспала всего три с половиной часа, но это были три с половиной часа счастья! А уж сегодня после смены... ух, держись, кровать! Я запрыгну на тебя с порога!

Ну, если во время полета обогну пару косяков и умудрюсь

открыть дверь с первого удара...

В общем, буду спать, как убитая!

Такая бодрость сохранялась примерно часа полтора; потом мозг вспомнил о том, какая я плохая хозяйка, и делать вид, что я бодрa и полна энергии – стало реально сложно.

– Рита... – смотрю большими глазами на свою коллегу.

– Делай, – отворачиваясь от меня, сухо произносит девушка.

Благодарю её черный затылок с идеальным каре и осторожно крадусь к кофе машине, то и дело кося глазом на служебную дверь. Делаю себе Моккачино: кофе и шоколад – это то, что будет помогать мне быть активной ближайшие пару часов.

Да, это запрещено правилами. Да, так нельзя, и вообще у нас есть подсобка с кофе-машиной (подешевле местной, конечно, но тоже какое-то подобие кофе делает), но, если я зайду в подсобку, Олег засчитает мне это, как отлынивание от обязанностей. В подсобку мы имеем право заходить на обед, когда меняемся, и если приспичило в туалет.

Нарекания мне не нужны. От этого важного человека зависит размер моей надбавки... так что, прости, Олег, но я, пожалуй, обойдусь Моккачино. Это будет наша маленькая месть тебе за излишнюю суровость в отношении своих сотрудников.

– Я сделаю себе через час, – сообщает Рита, проходя к кассе, чтобы принять заказ.

– Договорились, – отвечаю одними губами, переливая священный напиток в полулитровый термос.

Да, я плохой человек. Простите меня за это. Я ещё и старый позавчерашний эклер съела. Нашла его в холодильнике и приватизировала. Потому что гостям заведения это всё равно уже нельзя подавать! Пусть Олег и требует делать так... мол, на упаковке написано три дня в холодильнике... ага! Это он забыл посчитать, сколько этот эклер добирался до нашего холодильника!

Короче, ем и не мучаюсь муками совести! Я вообще тут людей спасаю! А эти продукты автоматически спишутся в конце дня!

– Убеждаешь себя в своей правоте? – не глядя на меня, спрашивает Рита.

– Так заметно? – поднимаю на неё глаза.

– Когда ты усталая, у тебя лицо – живописная картина, – до жути безразличным голосом отзывается девушка.

Но я знаю эту её манеру: Рита в принципе не использует всех возможностей человеческой речи, ограничиваясь произнесением слов без каких-либо интонаций.

Но мне кажется, она просто боится с кем-то сближаться, потому строит из себя принцессу-лёд.

– А ты сегодня разговорчивая, – замечаю с лёгким любопытством.

– Больше – нет, – бросает мне девушка и отходит делать клиенту капучино.

Отлично поболтали.

Ещё пару часов я смогла продержаться на своём чудо-эликсире из термоса, а потом пришло время обеда. Поскольку с собой я ничего не взяла (какая неожиданность!), пришлось пользоваться услугой нашей кафешки «еда за полцены для сотрудников». Раньше нам отдельно готовили, но потом решили, что это лишняя трата времени. С тех пор ввели систему скидок на основное меню.

Да, у нас странное руководство.

Перекусив и услышав «приятную слуху новость», что цена обеда будет вычтена из моей зарплаты (а то я не знаю, ага!), я вновь вернулась в зал.

– Кофе по-венски, с собой, – бросает мне девица с идеальной укладкой волос, а затем оборачивается к своей подруге, – а он симпатичный.

– Я вообще люблю метисов, – усмехается вторая девица, – особенно, если это касается азиатов.

– Может, подойдём к нему? – то и дело бросая взгляды себе за спину, предлагает девушка номер один, – Ну, а что? У него на лбу не написано, что он женат! Кольца на пальце тоже не видно!

– Ты сериалов пересмотрела. Парни не любят наглых девиц, – с видом профессора психологии сообщает ей девушка номер два, – особенно азиаты.

– Уж больно хорош, чтобы просто пройти мимо, – надувает губки девушка номер один и вновь оборачивается.

Смотрю на неё усталым взглядом, провожу оплату, возвращаю ей карту, иду делать кофе.

Мне бы их проблемы.

Нет, не так. Мне бы их банковскую карту! Знаю я такие...

– Кажется, он посмотрел в нашу сторону, – шепчет девушка номер два, мгновенно превращаясь в глуповато-хихикающую-версию-самой-себя.

– Правда? Я ж говорила, что мы ему понравились! – начинает глуповато хихикать и девушка номер один.

Нет, она этого не говорила: они же всё время в очереди у кассы простояли, так что я слышала. Ну, да ладно. Совет им да любовь. Всем троим.

– Ещё раз посмотрел! – уходит на невероятные верха девушка номер два.

– Серьёзно?! – о, а это уже ультразвук от девушки номер один.

– Ваш кофе, – ставлю перед ней стаканчик с напитком.

– Трубочку воткните, – абсолютно другим – холодным и неприятным – голосом требует девица, взглянув на меня.

Втыкаю. Мне не жалко.

– Спасибо, – бросает мне девушка номер один и разворачивается к выходу, – Чёрт! Он ушёл!!!

От её вскрика я морщусь, но быстро возвращаю себе спокойно-доброжелательное выражение лица. Клиенты – это наше всё. Клиенты порой оставляют на чай. Надо помнить об этом всегда! Даже когда хочешь послать их куда подальше

и лечь спать прямо на этом самом полу. Здоровья тебе, Кариночка! И пусть у тебя всё будет хорошо! Вот прямо всё-всё!!!

Встречаюсь глазами с Ритой и понимаю, что коллега думает примерно о том же.

Встряхиваю головой, возвращая подобие бодрости мыслям; ещё четыре часа – и я буду на свободе.

Четыре часа спустя...

Иду по дороге домой с абсолютно пустой головой. И даже слова песен, звучащих в наушниках, не способны заполнить эту пустоту. Да, здравствуйте, меня зовут Стася, и я – робот.

Траектория моего движения – только вперёд, прямо до дома. Никаких заходов в магазин. Никаких остановок «по требованию». Меня не существует для остального мира, даже если сам президент остановит меня, чтобы спросить, где находятся «Губернские Аптеки»: потому что единственная моя задача на данный момент – встретить лицом свою подушку.

Да, всё так. Правда, есть одна проблема – я буквально *чувствую*, что за мной следят. Вот, не могу объяснить – как, но чувствую! Словно кто-то идёт по пятам, глядя мне в спину...

Пару раз оборачиваюсь, но за моей спиной – никого.

Достаю телефон и набираю единственный номер, владельца которого ответит мне даже глубокой ночью.

– Чего тебе, киборг?

А это моя лучшая подруга Дина, которая никогда не упустит шанс назвать меня человекоподобной машиной.

– Динь-динь, скажи, что обычные люди делают, когда понимают, что за ними следят? – спрашиваю у неё негромко.

– Ну, во-первых, за обычными людьми не следят. Это их преимущество перед всеми остальными типами людей, – протягивает подруга, которую я ласково зову «Динь-динь»... за что она ласково зовёт меня «киборгом».

Да, у нас славные отношения.

– Ладно, пропустим момент с характеристиками всех подвидов. Поясни, что мне делать надо? – продолжаю расспрос, – Куда звонить?

– Для начала – выйди на людную улицу, – советует Динь-динь.

– С этим проблема, – замечаю, осторожно оглядываясь.

Мой район не то, чтобы особо опасный... но здесь полно безлюдных переулков с «не самой лучшей репутацией». По одному из таких я как раз и шла...

– Кто вообще может тебя преследовать? У тебя же крыша! – удивляется Динь-динь.

– Очевидно, тот, кто не знает о её существовании. И не называй это «крышей» – что за сленг из девяностых? – морщусь, протирая глаза, – Блин, у меня ещё и дежавю...

– Какое дежавю? – я прям вижу, как Динь-динь на другом конце «провода» заваливается на диван, закидывая ноги на спинку и устраиваясь поудобнее. Ей всегда нравилось послу-

шать «странные истории из моей жизни» – как она любила их называть.

– Ну, у меня ощущение, что всё это уже было... не наш с тобой разговор, а то, что меня преследуют. По-моему, мне это вчера приснилось... – протягиваю, глядя на небо, а затем останавливаюсь, потому что в этот самый момент из-за угла выходят шестеро смутно знакомых типов и останавливаются прямо передо мной, – Чёрт...

– Эй, ты чего там? – напрягается Динь-динь.

– Ничего. Потом перезвоню, – тут же отключаюсь и поднимаю подбородок. – Вам чего?

Да, грубо. Но у меня действительно есть покровитель, который обещал мне безопасность в этом районе. А его обещание – это не колыхание ветра беспочвенными словами.

– Смотрите, какая дерзкая, – сплёвывает тот, что пониже ростом, – а мы-то вчера решили, что ты – отмороженная.

Вчера? Решили?

Напрягаюсь ещё сильнее...

Воспоминания о вчерашнем походе домой начинают медленно всплывать на поверхность. Так это был не сон?..

Блин, Динь-динь реально права! Я – не человек, я – ки-борг. Иначе как можно объяснить, что мой мозг просто отказался фиксировать и заносить в свой «реестр» вчерашнее происшествие, экономя энергию в своём аккумуляторе?!

– Не знаю, кто вы, но советую прислушаться: я нахожусь под защитой господина Кана. Так что подумайте трижды,

прежде чем совершить ошибку, – произношу спокойно и хладнокровно.

Я не горжусь своим покровительством, но до этого момента фамилия этого человека всегда спасала меня от излишнего внимания.

– Откуда ты знаешь господина Кана? – тут же напрягается низкорослый, а затем резко сокращает между нами расстояние, подходя ко мне вплотную, – Я тебя спрашиваю?!

– Что ж вы такие непонятливые? – раздаётся чей-то голос за моей спиной. И я с удивлением наблюдаю, как глаза низкорослого увеличиваются почти вдвое, после чего он тут же встаёт в боевую стойку.

– Опять ты! – выкрикивает, глядя куда-то за мою спину. Оборачиваюсь.

Молодой человек за моей спиной был одет в темные джинсы, толстовку с капюшоном и кожаную куртку. Его лицо было на половину скрыто тем самым капюшоном, а на вторую половину – черным тканевым респиратором. Сам парень был довольно высоким и, кажется, очень ловким: потому что я не заметила того момента, когда на моей голове вдруг очутилась моя родная бейсболка, потерянная (по всему выходит) ранним утром, а коротыш-нападающий оказался на земле после какого-то молниеносного приёма моего... защитника?

– А ты кто? – спрашиваю у молодого человека, ещё не понимая – мне бояться его или радоваться его присутствию?..

– Иди домой, – произносит тот.

Пытаюсь присмотреться к парню, но тот опускает голову, не позволяя заглянуть под капюшон.

– Ты же хочешь спать. Иди домой, – повторяет он.

Я реально теряюсь: откуда он знает?..

– Сейчас, – чуть жестче произносит молодой человек, и я принимаю важное для себя решение: раз говорят – идти, значит, нужно идти.

Обхожу низкорослого, а потом и всю его братию, напряженно застывшую в нерешительности; ускоряю шаг, иду, не оглядываясь. Слышу за спиной звуки начавшейся драки, которые, к слову, довольно быстро стихают.

Ах, да, если верить моей внезапно активизировавшейся памяти, этот парень вчера неплохо поколотил шестёрку отморозков! Но почему он уже во второй раз заступает за меня? Он же не может быть человеком господина Кана? Да и с чего бы тому так беспокоиться обо мне?.. Он не из тех, кто тратит своё время на таких, как я.

Того, что его имя меня защищает, уже достаточно.

Так какого черта происходит?..

А, может, это просто совпадение? Плюс моё невезение. Дважды оказаться в похожей ситуации – это надо постараться. Но в таком случае, что это за самаритянин такой? И почему он оказывается там же, где и я?

Телефон начинает звонить. Отвечаю на автомате, с легким облегчением выходя на оживленную улицу.

– Да?

– Ты там жива? Что произошло-то? – тараторит Динь-динь.

– Жива. Всё расскажу завтра, ладно? – ровно отвечаю подруге, прекрасно зная, что она будет мучиться, пока её любопытство не будет удовлетворено.

Но ничего не могу с собой поделаться: если в ближайшее время я хочу заснуть и выспаться, нужно успокоить свой мозг и расслабиться. А болтовня с Динь-динь совсем не способствует «успокоению», наоборот. Сейчас как навалится со всеми вопросами и требованиями быть подробной в описаниях – а я не спала уже почти двое суток!

Так что жертвую разговором с ней – во имя своего собственного здоровья. Завтра воскресенье. Мой единственный выходной. Тогда и поговорим обо всём... А сейчас мой мозг требует перестать вибрировать по поводу и без, и приготовиться к отдыху.

– Ладно, – бурчит Динь-динь недовольным голосом, – хорошенько выспись. Я принесу печеньки.

– Спасибо, – выдавливаю из себя улыбку и отключаюсь.

Да, в такие моменты я действительно понимаю, за что она в своё время назвала меня киборгом. Я реагирую на происходящее не так, как обычные люди: потому что чаще всего у меня нет времени на проявление соответствующих эмоций... или нет на это сил.

Эмоции – это энергия. А её мне чаще всего тоже не хва-

тает...

Так что, в отличие от Риты, я не прячу своё «я» – я просто не имею возможности его показать.

И иногда мне кажется, что я уже не знаю, какая она – я, на самом деле...

Это страшно. Но это – моя реальность. Когда на тебе висит ипотечный долг отца, а за твоей спиной лишь одиннадцать классов школы – хочешь не хочешь, а начнёшь делать всё, чтобы выжить. Моя мама давно умерла, мой отец сидит в тюрьме, и у меня даже не было возможности поступить в институт: ведь я должна была зарабатывать деньги и ежемесячно выплачивать за квартиру, которую папа так неосмотрительно приобрёл, полагая, что его бизнес-идея выгорит...

Не выгорела. И теперь я всё тяну на себе. Мне двадцать один, и моя мечта выучиться на медика и стать хорошим доктором с приличной зарплатой – успела покрыться пылью, а потом и вовсе исчезнуть в океане всех моих не воплощенных «хочу».

Теперь у меня только одна цель: закрыть ипотечный кредит. А потом...

О «потом» буду думать после. Сейчас у меня на это просто нет времени... как нет времени думать о том странном парне в респираторе, который уже дважды за меня заступился.

Защитил? Спасибо. Надеюсь, не буду должна.

В данный момент в приоритете – выспаться. И пусть весь мир подождёт...

***

– Ты что, серьёзно?.. Опять влез в это? – голос в наушниках заставляет молодого человека поморщиться.

– Сегодня я бил по лицу, – спокойно сообщает он, откидывая влажные салфетки в мусорный бак; затем смотрит на свои костяшки, только что очищенные от следов чужой крови, – их босс заметит увечья, и начнётся хоть какое-то движение.

– Ты уверен, что у них есть босс?

– Это не уличная шпана. И игрушки у них не детские. Просто они пользоваться ими не умеют, – молодой человек разворачивается и идёт к дороге.

– Девчонке влетит, – замечает голос.

– Не думаю. Она назвала имя, – произносит парень в капюшоне, снимая респиратор и направляясь к своей машине, – очень знакомое имя.

– Я слышал, – сухо замечает голос, – что делать будешь?

– Следить, – бросает молодой человек и садится на водительское сиденье.

***

Глава 2. О том, как эта история получила неожиданное продолжение

Просыпаюсь в двенадцать дня и с благодарностью смотрю на потолок. Благодарность адресована моим соседям сверху, которые решили не будить меня очередным витком своего бесконечного ремонта... Это прям подарок небес!

Иду в душ, привожу себя в порядок, устраиваю небольшую стирку и ставлю чайник. Ровнёхонько к моменту, когда он закипает, раздаётся звонок в домофон.

Открываю дверь и возвращаюсь на кухню.

– Ждали деда Мороза? – весело спрашивает Динь-динь, входя в квартиру через пару минут.

– Ждали доставщика халявной пиццы, – честно признаюсь ей в своих надеждах.

– Не наглей! – хмыкает подруга, внося пакет с продуктами, – Я тебе кроме печенек принесла хлеба, яиц и колбасы – так что будь благодарна!

– А когда не была? – парирую, тем не менее, с теплотой глядя на Динь-динь.

Эта девчушка весила килограмм пятьдесят при росте метр семьдесят пять. Она была худой, как тростиночка, име-

ла светло русые волосы – в данный момент перекрашенные в голубой, – и очень высокий голос, за что я и прозвала её «звоном колокольчика». Динь-динь. Это про неё.

Когда-то в школе я сильно выручала её с конспектами и подготовкой к экзаменам, да и вообще – защищала от всех желающих посмеяться над её худобой. А теперь, спустя три года, это она меня выручает, зная о моём тяжелом положении. Сама Динь-динь учится в педагогическом университете, куда, скорее всего, попала бы и я, если бы провалила экзамены в медицинский...

Но всё это – воспоминания из далёкого прошлого, где я ещё могла выбирать.

– Так что у тебя там произошло? – ненавязчиво начинает Динь-динь, нарезая хлеб и колбасу, – Я же сейчас вся изведусь! Рассказывай, давай! !! – в итоге, требовательно заканчивает она.

– Да странные дела творятся, – запихивая в рот бутерброд и тут же запивая всё это чаем, хмурюсь я, – во-первых, ко мне прицепилась какая-то шестёрка отморожков. Они уже дважды меня останавливали, когда я домой шла после работы.

– Это фигово. Ты им сказала про своего чудо-покровителя? – подняв брови, уточняет Динь-динь.

– Да в том-то и дело, что сказала. Но у них реакция странная была, – с набитым ртом объясняю, – обычно все сразу отходят и делают вид, что разговора не было, а эти... прям

наглые какие-то.

– И как ты с ними разобралась? – спокойно спрашивает Динь-динь, пребывавшая в абсолютной уверенности, что я справлюсь со всем.

– Не я. Парень в маске, – поглощая второй бутерброд, отвечаю ей.

– Парень в маске? – подняв брови, уточняет Динь-динь, – Ты шутишь, что ли?

– Неа. Реальный парень. В реальной маске. Ну... в этом... в респираторе. Защитник типа. И дерётся, как чёрт. Я аж сама удивилась, – продолжая заниматься «завтрако-обедом», поясняю ей.

– Стоп! Ты хочешь сказать, что тебя защитил какой-то герой из комиксов?! – изумлению Динь-динь нет предела.

– Скорей, герой из сериала, – поразмыслив чуток, поправляю её.

«Какого-нибудь корейского» – добавляю про себя.

– И твоя реакция по этому поводу?.. – Динь-динь заглядывает мне в глаза, а потом кивает сама себе, – Простите, я забыла. У пациента обычно нет реакций.

– Нет, ну, а как я должна была реагировать? – пожимаю плечами, прихлёбывая из стакана, – Что должна была сделать? Телефон достать и снять всё это на камеру?

– ХОТЯ БЫ! – припечатывает меня Динь-динь, сверкая огромными серыми глазами из-под линз очков.

– Да я спать хотела; была усталой настолько, что еле но-

гами передвигала, – хмурюсь, отмахиваясь от неё, – мне вообще не до этого было.

– «Не до этого»? – каким-то странным голосом переспрашивает Динь-динь, – Что ты имеешь ввиду?.. Ты даже не поблагодарила своего спасителя?!

Задумываюсь, припоминая подробности...

– Ну, в первый раз я попросилась домой во время их драки... а во-второй – парень сам меня отпустил, – отвечаю, глядя в потолок.

– Ты. Попросилась. Домой? – по слову выдавливают из себя Динь-динь, и я чувствую – сейчас начнётся...

– Ну... – протягиваю, а затем резко замолкаю, потому что в мою дверь неожиданно раздаётся звонок.

– Это кто? Он? – удивленно и даже немного испуганно спрашивает Динь-динь, машинально отходя подальше от входа.

– Да с чего бы? Моего адреса нет в общем доступе, – отмахиваюсь и иду к двери. Сморю в глазок... – Чёрт, – тихо произношу, опуская голову, после чего открываю гостям.

В квартиру заходят двое мужчин в одинаковых костюмах и с одинаковой стрижкой.

– Господин Кан вас ждёт, – произносит первый.

– Когда? – поджав губы, уточняю.

– Сейчас, – отвечает второй.

Разворачиваюсь и иду переодеваться.

– Что, серьёзно? Дайте хоть поесть человеку! – негодова-

нию Дины нет предела, но я останавливаю её рукой, показывая, чтоб притихла.

Этим людям плевать: ела я или нет, здорова или лежу при смерти. Если их шеф сказал – привести, то они приводят.

Достаю из шкафа единственную приличную блузку белого цвета и облегающие брюки цвета беж. К Господину Кану в спортивных штанах не ходят. Он может неправильно это понять...

– Поди, ещё и каблук наденешь? – невесело усмехается Динь-динь.

Одариваю её таким же невесёлым взглядом и достаю ботильоны, купленные ещё для моего выпускного. Надеваю.

Быстро привожу лицо в порядок, подкрашиваю губы и глаза. Прохожусь расческой по волосам, подхватываю сумку (папин подарок на восемнадцатилетие) и выхожу к мордovorотам.

А это были именно мордovorоты влиятельного бизнесмена, владеющего почти всеми известными заведениями нашего района. Господин Кан был родом из Кореи и очень ценил, когда люди уважительно относились к его статусу. Потому-то мне и приходилось преображаться для визита к нему...

– Закроешь дверь? – смотрю на Динь-динь, выходя из квартиры.

– Тебя дождаться? – после короткого кивка уточняет подруга.

На всякий случай у неё хранился запасной ключ.

– Если никуда не торопишься, – оглядываясь на мордово-ротов, протягиваю, – то дождись, – заканчиваю и выхожу в коридор.

И что, чёрт возьми, понадобилось от меня господину Кану?.. Мы виделись с ним всего три раза – по разу в год с тех пор, как папа оказался в тюрьме; примерно в одно и то же время. Так с чего это приглашение вне графика?..

Выхожу из дома и сажусь в дорогую тонированную машину. Судя по направлению, мы едем к нему в офис.

Вставляю наушники в уши и включаю первый попавшийся трек. «Everybody Knows» Sigrid... как нарочно...

Десять минут – и мы уже на месте.

Этот офисный шедевр был построен четыре года назад, но жители нашего города до сих пор не могут к нему привыкнуть. Слишком много металла, слишком много стекла, слишком бросающаяся в глаза архитектура. Компания господина Кана, по слухам, занимала сразу несколько этажей. Я не вникала в его бизнес, поэтому понятия не имела, насколько широк спектр его деятельности. Я просто вынуждена была один раз в год приезжать на встречу с ним, чтобы засвидетельствовать своё «почтение». Какие такие дела объединяли их с отцом, что господин Кан дал мне свою защиту после суда над папой, я тоже не знала и знать не хотела. Но и отказать такому человеку не могла: поэтому, если он приглашал меня в гости, я должна была ехать.

Мы с мордovorотами выходим из машины, идём к центральному входу; заходим в здание и поднимаемся на лифте, останавливаясь на семнадцатом этаже.

Я дожидаюсь, когда мои «проводимые» выйдут первыми, затем спокойно слеую за ними прямо до кабинета господина Кана. Хотя кабинетом это трудно было назвать... площадь данного помещения была равна, минимум, ста двадцати квадратным метрам.

Большой такой кабинетик. Я бы сказала – «кабинетище».

О моём визите сообщают, после чего я подхожу к столу господина Кана и низко кланяюсь. Это корейская традиция, так что никакого давления на чувство собственного достоинства я не ощущаю. В России, конечно, так не принято, но господин Кан был родом из Южной Кореи и, как я уже упоминала, требовал уважения к себе, к своей родине и к традициям, принятым на его родине.

Я выпрямляюсь и устремляю на него взгляд. Господин Кан сухо улыбается и поднимает руку, предлагая мне сесть на диван.

Этот мужчина лет пятидесяти пяти имел невероятно властную ауру. Моя бы воля – я бы не показывалась ему на глаза до конца жизни: я слишком хорошо чувствовала, насколько опасным был этот человек.

И какие дела могли объединять его с моим отцом?!

– Ты, наверное, спрашиваешь себя, зачем я пригласил тебя? – слегка нараспев произносит господин Кан, сразу же пе-

реходя к делу.

Киваю. Чем меньше я с ним говорю, тем лучше. Не хочу, чтобы мы имели что-то общее – даже такую мелочь, как приятный разговор.

– Чай, кофе? – словно вспомнив о своём гостеприимстве, предлагает мужчина.

– Кофе, пожалуйста, – соглашаюсь я.

Хозяину никогда нельзя отказывать. Это тоже корейская традиция.

– Даша, принеси, – господин Кан отдаёт указание одним пальцем, и молоденькая секретарша (или помощница?) тут же исчезает за дверью, – Как твои дела, Стася? Всё ли в порядке на работе?

– Всё хорошо, благодарю, – как можно ровнее отвечаю.

– Уверена, что тебе не нужна помощь? – с легкой провокацией уточняет мужчина.

– Ещё раз благодарю, не нужна, – склоняю голову в легком поклоне.

Папа не оставлял никаких наказов по этому поводу. Но я чувствовала, что мне не нужно брать денег этого человека.

– Гордячка, – усмехается господин Кан, – твой отец будет очень недоволен.

Не уверена. Мой отец вообще запретил мне навещать его в тюрьме. И это не *просто* странно, это **слишком** странно.

– Ты могла бы работать у меня, – произносит мужчина самые опасные в мире слова.

– Спасибо за предложение, но мне нравится моя работа, – отвечаю спокойно, но даже не стараюсь выдавить из себя улыбку.

Напряжение – это единственное слово, способное в данный момент охарактеризовать моё состояние.

– Тебе нравится делать кофе и стоять за кассой? – поднимает брови господин Кан.

Ничего не отвечаю; я в курсе, насколько убого всё это выглядит со стороны. Но мне ничего чужого не надо. И дарёного – тоже. Я сама в силах справиться с ситуацией.

– К тому же ты слишком красивая для того, чтобы заниматься такой неблагодарной работой, – продолжает настаивать мужчина, а я уже не знаю, какое такое слово благодарности придумать, чтобы отбить у него желание предлагать мне «новую и счастливую жизнь».

Я знала, что не интересую господина Кана с «этой» точки зрения, но почему-то он считал необходимым при каждой нашей встрече настаивать на моём переходе в его компанию.

– Да и опасно это – стоять за барной стойкой в ночном клубе, а потом под утро добираться одной до дома...

Резко поднимаю взгляд на мужчину.

Он знает?..

– Ваше имя защищает меня от всех опасностей, – вновь склоняя голову, произношу.

В основном делаю это не из уважения, а потому что мне сложно смотреть ему в глаза. Я бы обошлась и без его защи-

ты. Но в сложившейся ситуации – не мне решать.

Господин Кан некоторое время пристально смотрит на меня, а затем в кабинет заходит его помощница с подносом. На столике передо мной оказываются свежие круассаны и высокий бокал с... Моккачино.

Боже, есть ли на свете что-то, чего не знает этот человек?

– Господин Кан, ваш сын ждёт, – негромко произносит девушка, склонив голову перед своим боссом.

– Пусть зайдёт, – кивает мужчина.

Чёрт. Вот чего я точно не хотела – так это встречи с сыном господина Кана. Но ни один мускул не дергается на моём безмятежном лице... кто я такая, чтобы показывать своё отношение ко всему происходящему?

– Я вчера услышал одну любопытную историю, – протягивает мужчина, откидываясь на спинку кресла, – и сейчас очень хочу понять: правда это или вымысел?

Внимательно смотрю на него. Что за история? И зачем он меня позвал, в конце концов?

В следующий момент в помещение стремительно входит молодой человек с волосами цвета красного дерева.

– Отец, – почтительно здоровается он с господином Каном... а затем переводит цепкий взгляд на меня.

Тут надо пояснить.

Сына господина Кана я знала лично: мы часто сталкиваемся в ночном клубе, где я работаю по пятницам и иногда – субботам. Зовут его Джэ Хва, он меняет цвет волос едва ли

не каждый месяц, носит исключительно дорогие дизайнерские шмотки и – самое главное, – имеет очень неприятный характер. Поэтому встречаться с ним я хотела меньше всего – но, опять же, кто меня спросил?..

– Стася, – здоровается он со мной.

– Джэ Хва, – киваю и тут же отвожу глаза.

Занимаюсь своим угощением.

– Он может войти? – вежливо спрашивает сын у своего отца, тот кивает, после чего в помещение заходит... один из шестерки отморожков.

– Это она! – тут же замечает парень, указывая на меня пальцем.

Не тороплюсь встать и вообще как-то реагировать. Пытаюсь понять, что здесь происходит.

– Свободен, – тут же отпускает отморозка господин Кан, взмахнув рукой.

А Джэ Хва разворачивается ко мне и награждает очень внимательным взглядом.

– Как это понимать? – мягко спрашивает он.

– В начале объясните, пожалуйста, кто этот человек? – спрашиваю, глядя в глаза его отцу.

– Это один из... новых телохранителей моего сына, – подыскав слово, не спеша отвечает господин Кан.

Так... теперь ясно...

– Этот молодой человек утверждает, что на него, как и на остальных телохранителей, напал твой друг, – продолжает

мужчина, с лёгким прищуром глядя на меня.

– Это не так, – спокойно отрезаю.

– Завела себе парня? – недобро усмехается Джэ Хва.

Ничего ему не отвечаю. Я вообще не обязана перед ним отчитываться, только перед его отцом – и то лишь потому, что так сложились звёзды.

– Стася, расскажи, что произошло, – предлагает господин Кан.

Мне не сложно, потому – рассказываю. Без подробностей: коротко и по существу. Я ни в чём не виновата, парни сами ко мне прицепились, так что смысла что-то скрывать – не было.

– И ты утверждаешь, что не знаешь, что за молодой человек за тебя заступился? – в итоге спрашивает господин Кан.

– Да. Я впервые его видела, – спокойно киваю.

– Ты не можешь быть уверена: он был в маске, – замечает Джэ Хва, не сводя с меня цепких карих глаз.

– Я слышала его голос. Он мне незнаком, – не глядя на него, отвечаю.

– Хорошо, Стася, – кивает господин Кан, принимая мои слова на веру, – я хочу попросить прощения за недостойное поведение телохранителей моего сына. Они набраны недавно и ещё не посвящены во все... детали.

Напрягаюсь ещё больше. Чтобы такой человек – и просил прощения?.. С чего бы?

Каких неприятностей мне теперь ждать?..

– Благодарю за ваше внимание, я не держу обиды, – отвечаю вежливо, – Я могу идти?..

Господин Кан награждает меня не самым приятным взглядом. Я не в курсе всех традиций, потому, вполне могла допустить ошибку, когда так прямо попросила отпустить себя... но терпеть взгляды Джэ Хвы, ровно, как и общество его отца, я больше не могла. В конце концов, это мой выходной. Имею я право хоть один день в неделю спокойно выдохнуть, сидя на своём диване?!

– Да, конечно, Стася. Иди. Все сотрудники ночного клуба будут предупреждены о тебе и о твоём положении, – наконец, отвечает господин Кан.

Они и так предупреждены. Только новоиспеченная банда вашего сына не в курсе – кто я. Интересно, с чего это Джэ Хва решил набрать себе охрану? С кем опять поссорился?..

Хотя нет, не интересно.

Поднимаюсь, кланяюсь и иду на выход. У самого лифта останавливаюсь, ожидая, когда дверцы раскроются. Слышу позади себя шаги...

– Хорошо выглядишь.

Не реагирую. Жду лифт.

– Стася.

Не реагирую.

На моём плече появляется мужская рука, а в следующую секунду меня разворачивают на сто восемьдесят градусов.

– Я с тобой разговариваю, – чуть склоняясь надо мной, по

слогом произносит Джэ Хва.

– Я слышу тебя, – отвечаю ровно.

– Тогда почему не реагируешь? – спрашивает молодой человек.

– Потому что не хочу, – спокойно произношу.

Дверцы за моей спиной открываются; я снимаю с себя чужую ладонь и вхожу в кабину лифта.

– Не обязательно быть такой гордой. Это мешает тебе в жизни, – протягивает молодой человек.

Смотрю на него прямо, жду, когда дверцы закроются.

Наконец, лифт едет вниз...

Не люблю этого парня. Не люблю его отца. Зачем нужно было тащить меня сюда в мой единственный выходной, когда можно было обойтись простым звонком – я бы всё равно ответила правду! Господину Кану лучше не врать. Никогда.

Выхожу из здания и иду к автобусной остановке. Уверена, машина мордovorотов ждёт меня на парковке, но я не хочу пользоваться этими «благами». Мне не в лом и на автобусе до дома доехать. Пусть это будет чуть подольше по времени... зато я не буду чувствовать себя обязанной.

Странное дело, но, как только я выхожу на улицу, у меня вновь появляется ощущение взгляда на спине. Что это? Паранойя? Или тот парень в маске взял в привычку – следовать за мной по пятам?

Не, это вряд ли.

Кому я вообще могу быть интересна?..

Когда добираюсь до дома, Динь-динь встречает меня у порога и сразу ведёт на кухню, придерживая за плечи.

– Как себя чувствуешь? – осторожно интересуется, тут же пододвигая ко мне тарелки с наготовленным.

– Как пациент психбольницы, – отвечаю честно, – Дин! Не надо так со мной. Серьёзно, я здорова.

– Ну, раз огрызаешься, значит, действительно здорова, – поджав губы, бурчит Динь-динь.

– Не обижайся. Ты же знаешь – в такие моменты меня лучше не трогать минут десять, – ровно отвечаю, начиная буквально впихивать в себя еду.

Лучше есть и молчать, чем озвучить всё то, о чём я сейчас думаю.

– Да, в такие моменты мне хочется нарисовать на табличке «Не трогать, это опасно!» и закрепить эту штуку на твоей голове, – продолжает бурчать Динь-динь.

Около семи минут проходит в молчании, но потом подружка не выдерживает:

– Там и Джэ Хва был, да?

– Ага, – отставляя от себя пустую посуду, коротко отвечаю.

– Приставал опять? – уточняет Динь-день.

– Пытался.

– А ты?

– Уехала на лифте, – отставляю и пустой стакан, а затем

откидываюсь на спинку стула, – как же он меня раздражает.

– По тебе обычно не заметно, – выдаёт Динь-динь.

– Чего?! – моему изумлению нет предела.

В моём воображении.

На деле всё звучит намного спокойнее.

– Ну, я же тебя знаю. Даже если тебе что-то не нравится, ты этого не показываешь. У тебя обычно... блин, не люблю это выражение, но к тебе оно подходит идеально – у тебя обычно Poker Face.

– Я показываю, когда мне что-то не нравится, – не соглашаюсь с ней.

– Неа. Ты так думаешь. Твоё лицо всегда спокойно. Ты просто бросаешься равнодушными фразами – а этим ловеласов вроде Джэ Хвы не оттолкнуть.

– Ты хочешь сказать, что он не унимается на мой счёт, потому что я недостаточно чётко сказала ему «нет»? – поднимаю брови.

– Я в этом уверена, – фыркает Динь-динь.

Я ненадолго задумываюсь над этим утверждением... а потом выпархиваю из своих мыслей с важной информацией, которую нужно озвучить вслух:

– Кстати, та шестёрка отморозков оказалась группой его новых телохранителей.

– СЕРЬЁЗНО?! – теперь уже изумлению Динь-динь нет предела.

– Да, и меня вызвали, потому что неизвестный в маске

побил их, защищая меня.

– Так, может, это Джэ Хва их и отправил – чтобы позади-
рать тебя?..

– Нет, это не выглядело так... в смысле... – встряхиваю
головой, пытаюсь представить – а если это *действительно*
так? – Какой ему смысл тогда делать всё это через отца? Гос-
подин Кан не любит, когда его отвлекают по пустякам.

– А как они вообще на тебя вышли? Я так понимаю, «хо-
зяина» с ними не было? – хмурится Динь-динь.

– Эта шестерка заметила меня ещё в клубе. Я же за баром
стояла... А после того, как их побили, они выяснили – кто
я; а там уже Джэ Хва подключил отца, чтобы меня привезли
на допрос.

– И чего от тебя хотел господин Кан?

– Он хотел узнать, кем был тот парень в маске. Но я сама
– понятия не имею, так что они просто время зря потратили.

– Делаааа, – протягивает Динь-динь, – что ж это за парень
такой?!

– Чтоб я знала, – складываю руки на груди.

– Может, ты ему просто понравилась?

Награждаю подругу тяжелым взглядом.

– А у тебя вообще все мировые процессы этим объясня-
ются? – спрашиваю скептически.

– Ты же не слепая, – сухо произносит Динь-динь.

– К чему этот вопрос? – хмурюсь.

– В зеркале себя видишь. Значит, в курсе, что твоё личико

– очень хорошенькое, – ещё суше отвечает подруга, – тебе даже косметикой пользоваться не надо.

– Всем надо пользоваться косметикой, – парирую спокойно.

– Заканчивай! Ты понимаешь, о чём я! – взрывается Динь-динь.

Этаким «взрывом колокольчиков»... Милым таким. И звонким.

– Я люблю только тебя, – создав из рук подобие сердечка, произношу няшным голосом.

Подруга фыркает, качая головой и закатывая глаза.

– Ну?.. – подначиваю её, продолжая строить из себя какое-то подобие анимешного персонажа.

Динь-динь держится.

– Ну-ну?.. – демонстрирую ей вторую заготовку, строя милую мордочку.

Та вновь закатывает глаза, но в итоге не выдерживает, и мы одновременно визжим, тряся ладошками:

– Каваййййй!!!!

Да. Мне стыдно, но это так. Заядлая анимешница и дорамщица Дина Жгутова подсадила меня на азиатскую культуру. В ход пошло всё: и японские аниме, и китайские шоу талантов, и корейские дорамы, и К-рор в целом. Вот почему я знаю, кто такой Ли Мин Хо, и вот почему я в наглуую пользуюсь приёмчиками (типа эгё) из арсенала айдолов, когда мне нужно вернуть настроение своему колокольчику.

И я не знаю, почему Динь-динь так расстраивается, когда я игнорирую вопросы о своей внешности. Но у нас это постоянная тема для споров.

– Тебе нужен парень, – в итоге припечатывает меня подруга.

– Это заключение врача? – фыркаю, отгрызая от печеньки.

– Это совет подруги.

– Ты знаешь, что у меня нет на это времени, – отвожу от неё взгляд.

– Мне больно это слышать, – неожиданно тихо произносит Динь-динь, – а ещё более оттого, что я ничем не могу тебе помочь.

– Ты помогаешь. Ты очень заботишься обо мне, – придвигаю свой стул к её стулу и обнимаю подругу за плечи.

– Это не моя забота. Деньги мне даёт мама. Так что, считай, это она тебя подкармливает. А я ничего не могу сделать, чтобы тебе стало чуть легче, – ещё тише заканчивает подруга.

– Ты это делаешь своим присутствием, – спокойно отвечаю, притягивая её к себе и ещё крепче обнимая.

Некоторое время сидим молча, обнявшись.

– Так что никакой парень мне не нужен. У меня есть ты, – с улыбкой произношу.

– Парень бы заботился о тебе. Помогал с деньгами. Взял на себя твои проблемы, – начинает перечислять Динь-динь.

– Ты сейчас не парня, а какого-то принца из сказки опи-

сала, – фыркаю, отлипая от неё.

– Что есть – то есть, – не стала спорить та.

– Так, мне надо до банка успеть сгонять, – поднимаюсь, – у меня вчера получилось набрать всю сумму.

– Зачем так рано? Ты же без денег на пару дней останешься! – недоумевает Динь-динь.

– Всё нормально, у меня останется пятьсот рублей сверху, – улыбаюсь ей, – так что живём!

– Дело твоё, – пожимает плечом Дина, но я вижу неодобрение на её лице.

Человеку без долгов трудно понять, какая это радость – знать, что ты можешь расплатиться раньше, чем обычно! На меня этот ипотечный долг давит так, что скоро седые волосы полезут.

– Ты со мной? – спрашиваю у подруги.

– Не, мне ещё эссе писать, – зевает Динь-динь и идёт вместе со мной к порогу.

Завидую ей. Я бы тоже хотела иметь такую возможность...

– Ну, тогда разбегаемся, – прощаюсь с ней и иду собирать по квартире все свои сбережения.

В банк успеваю перед самым закрытием. Удивительно, но там оказывается полно народу – как будто всем жителям района вдруг приспичило закончить свои денежные дела в последний день недели.

Когда выхожу обратно на улицу, иду, не скрывая улыбки. Как же это приятно, осознавать – что я платежеспособна!

И неважно, какие препятствия появятся на моём пути, я со всем справлюсь: если три года назад, когда только закончила школу, – справилась, значит, и в будущем не оплошаю.

Громкие гудки проезжающих мимо машин из свадебного кортежа заставляют меня обернуться им вслед. Весело ребята гуляют... чёрт!

Застываю на месте, потому что я в кого-то врезалась. В кого-то очень крепкого и доброго, судя по тому, что он сумел и сам устоять, и меня за плечи удержать, да ещё и не обматерить меня за рассеянность.

Поднимаю голову и встречаюсь глазами с карей бездной... в количестве двух экземпляров.

– Прости-те, – выдавливаю из себя, глядя в эту красоту.

Блин, а глазки-то реально красивые! У Джэ Хвы цвет был другим... более разбавленным, а у этого молодого человека он был настолько темным, что заставлял усомниться – не линзы ли?.. Хотя нет, не линзы. Выглядит очень естественно. И весьма подходит своему хозяину...

Так.

...

Что с моей жизнью?..

Почему я не врезаюсь в какого-нибудь славянского парня с шапкой ушанкой? Или хотя бы в медведя с балалайкой?.. Это всё из-за того, что в далёком детстве я мечтала стать женой Брендона Ли?

Ну, до того, как узнала, что он умер...

...

Блин, я опять отвлеклась! А тем временем я всё ещё стою в – почти что – объятиях кареглазого незнакомца.

Кареглазого незнакомца, от которого очень вкусно пахнет...

– Я извиняюсь. Засмотрелась на свадебный картеж и вас не увидела. Простите, – повторяю извинения, но на лице молодого человека с явно азиатскими корнями – странное выражение, а между бровей и вовсе появляется складка.

Он же на меня в суд за это не подаст?..

Мягко высвобождаюсь из его хватки, отступаю на шаг.

Сказать-то мне ему в общем-то больше и нечего... так что выдавливаю из себя подобие улыбки, киваю и обхожу. Судя по тому, что мне в спину не несутся ругательства, жертва не имеет претензий. А если и имеет – то оставляет их при себе. И на том спасибо.

Иду домой по длинной дороге, спокойно наслаждаясь городским пейзажем. Мне нравится гулять, никуда не торопясь. Просто идти. Смотреть по сторонам и слушать звуки города. Это удивительно успокаивает.

И к тому моменту, как я дохожу до дома, моё настроение становится не просто нейтральным, оно стремительно приближается к отметке «хорошо»!

Сворачиваю к своему дому, хочу уже зайти в подъезд, как останавливаюсь: около ворот, огораживающих внутренний двор дома, стоит тот самый молодой человек, в которого я

врезалась, и внимательно смотрит на эти самые ворота.

Вот бывает же...

Но не похоже, что он шёл за мной. Это просто странное совпадение.

Присматриваюсь к нему.

Кажется, он выглядит слегка потерянным. Или растерянным. Молодой человек опускает взгляд на свой телефон, что-то активно проверяет, а потом оглядывается по сторонам в поисках ответа на неведомые мне вопросы. Затем замечает меня.

Ой.

Поднимаю ладонь, приветствуя парня, как своего знакомого.

– Привет. Мы уж сталкивались до этого, – поясняю ему на его вновь ставший странным взгляд.

Молодой человек хмурится, снова смотрит в экран своего смартфона, а затем поднимает свои карие глаза на меня и спрашивает немного неуверенным голосом:

– Help?..

Ох ты ж. Он, кажется, по-русски не понимает. Но у меня с английским тоже не всё гладко, так что даже и не знаю, сможем ли мы понять друг друга.

Но всё-таки подхожу. Он сегодня – пострадавший. Так что я ему, считай, должна.

На экране его телефона, предложенного мне в качестве подсказки, была парочка нечитабельных для меня букв из

корейского алфавита (ну, тут я позволила себе скептическую усмешку – я ж ещё тот знаток азиатской письменности! Как и каждый второй в России, ага... Что не так с этим парнем?!) и (что и привлекло в итоге моё внимание) четыре цифры, две из которых (о, хвала небесам!) были мне знакомы, потому что это номер моего дома.

А вторая пара – это, наверно, номер его квартиры.

Он – студент по обмену? Или какой-нибудь работник «по обмену», только прибывший в нашу страну?.. Специалист из зарубежья?.. Почему его в таком случае никто не встретил и не довёл до съёмной квартиры?.. У нас много квартир сдаётся: дом-то почти новый.

– Этот дом, – потыкав пальцем в сторону оного, поясняю по слогам. Потом на всякий случай указываю пальцем на цифру на экране, а затем – на номер дома на табличке с торца, для чего мне приходится взять молодого человека за локоть и отступить с ним от ворот на несколько шагов, чтобы ему было видно, о чём я говорю.

– О-о-оу! – протягивает тот, когда видит знакомые цифры.

Затем складывает ладони и делает небольшой поклон, благодаря за помощь.

Ну, помощью это, конечно, трудно назвать. Так, указала на очевидное.

Киваю молодому человеку и иду ко входу; вижу боковым зрением, что тот неуверенно идёт за мной, поглядывая по сторонам. Наверное, где вход – он тоже не знал. Не мудрено.

В воротах нет калитки, войти в дом можно через подъезд с консьержем, а затем вновь выйти на улицу – только уже со стороны внутреннего двора. Двойная линия безопасности, как называют её местные...

Интересно, у него хоть ключи есть? Или его в квартире кто-то ждёт? А вдруг он на свидание к какой-нибудь девушке пришёл, а я ему тут помогаю?

Оборачиваюсь. Не. Выглядит слишком потерянным.

До квартиры его, что ли, довести?..

Однако, мои мысленные рассуждения прерывает наш консьерж дядя Серёжа, который, заприметив молодого человека, поднимается со своего места.

– А вы, наверное, мистер Чону? – как-то даже подобравшись, спрашивает он у кареглазого незнакомца, делая ударение на последней букве.

– Чон У, – несколько раз кивает последний, оживленно признавая своё имя.

– Вам. Оставили. Ключи, – словно годовалому ребёнку, выделяя каждое слово, выразительно поясняет тому консьерж дядя Серёжа.

А для доказательств своих слов, трясёт связкой в воздухе.

– Вы только документики свои покажите, а то я просто так вам отдать не могу, – моментально забывая о том, что «с иностранцами так просто не разговаривают», замечает дядя Серёжа, виновато пожимая плечами.

Но, странное дело, кажется, наш иностранец понял суть

претензии и тут же достал удостоверение личности.

– Стась, глянь, там английский язык... Ох уж мне эти загранпаспорта! – жалуется дядя Серёжа.

Не комментирую данное высказывание; подхожу, смотрю на документ. Рядом с иероглифом вижу латинские буквы, складываю их в слово и признаю, что похоже на «Чон У».

– Ну, тогда ступайте-ступайте, – показывая на выход на внутреннюю территорию дома, произносит дядя Серёжа, вновь совершенно забывая, что экземпляр не понимает по-русски.

Тем не менее, незнакомец снова проявляет чудеса смекалки и идёт в направлении двери, коротко поклонившись нашему консьержу.

Провожая его взглядом, затем поворачиваюсь к пенсионеру.

– А это кто, дядь Серёж? – спрашиваю без особого любопытства.

– Понятия не имею. Со мной связались хозяева квартиры, сказали, что у них какая-то организация её сняла, так что надо будет ключи передать. Вот и весь сказ.

– Ясно, – отхожу от его окна, иду на выход.

– Ты как сама, девочка? Всё в порядке? Давно к тебе эти бластные не приходили, – немного напряженно замечает дядя Серёжа, сведя брови к переносице.

– Всё в порядке, – заверяю его, – спасибо.

Было бы лучше, если бы их на территорию дома не пус-

кали, но тут я могу понять дядю Серёжу – как таким откажешь?..

Выхожу во двор, затем иду к своему подъезду, захожу внутрь, сворачиваю к лифту – и вновь едва не врезаюсь в кареглазого.

Он ещё и в одном подъезде со мной живет?..

Вот это совпадение, в самом деле...

– О... – замечает меня молодой человек, затем как-то неловко входит в только что спустившийся лифт и нажимает на свой этаж.

Мой – следующий. Тянусь к кнопке, чтобы нажать, но не успеваю – поскольку в проходе неожиданно появляется женщина с коляской.

– Потеснитесь, молодые люди! – предлагает она, буквально зажимая нас у задней стенки своим устройством для катания со спящим пассажиром внутри.

В чём была проблема – вызвать грузовой лифт, или дождаться следующего, я искренне не поняла. Но потеснилась. И в итоге оказалась буквально приплюснута к кареглазому незнакомцу.

– Думаю, проще мне сначала доехать до своего этажа, а потом уж вам, – заявляет женщина и нажимает самую верхнюю кнопку.

Ничего не отвечаю. Некоторых людей не изменить.

Потому просто жду, когда смогу вздохнуть нормально. А ещё – чувствую, как дышит молодой человек.

И вроде ничего особенного, но сам факт, что я ощущаю это всем телом... блин, ну, так нельзя, в конце концов! Представляю, как ему сейчас неловко!

А как мне-то неловко!

– Простите, пожалуйста, – шепчу, поворачиваясь к нему лицом.

И только потом вспоминаю, что он не понимает по-русски.

– М? – молодой человек склоняет ко мне голову, по-видимому, не расслышав, что я сказала.

И его лицо оказывается так близко с моим, что меня бросает в жар.

Нет, я не скромница – ничего такого! Просто окажитесь сами в тесном лифте, прижатая спиной к груди незнакомого молодого человека, который склонил к вам голову и едва не касается вашей скулы своим подбородком!..

– Sorry, – произношу также негромко и тут же отворачиваюсь.

Женщина косится на нас. Я кошусь на женщину. Молодой человек продолжает стоять, склонив ко мне голову... А потом вдруг произносит что-то приятное слуху, но совсем не понятное.

– Иностранец, что ли? – фыркает мамаша, а затем цокает языком, мол, до чего мир докатился – в России! И иностранец! Ай-яй-яй!

В общем, сути её высказывания я не понимаю. Я слишком

напряжена из-за близости молодого человека.

Наконец, лифт добирается до верхнего этажа, и дама с коляской покидает кабину. Я выдыхаю с облегчением, а затем нажимаю на свой этаж. Встаю как можно дальше от кареглазого. Даже представить боюсь, что он теперь думает о русских.

Когда приходит и моя очередь выходить, я переступаю порог, разворачиваюсь и взмахом руки прощаюсь с молодым человеком. Пусть хоть этот жест дружелюбия скрасит его впечатления о населении нашей страны.

Когда дверцы закрываются, успеваю заметить взгляд парня. Очень задумчивый взгляд...

А, ладно! На сегодня с меня хватит впечатлений.

Иду к своей квартире, полная решимости набраться сил на неделю вперёд – то бишь, отдохнуть. Энергия мне пригодится. На следующей неделе я работаю в клубе и пятницу, и субботу, так что нужно успеть переделать все дела на все семь дней вперёд и выспаться так, чтоб уже не хотелось!

***

– Ты ведь это не серьёзно, – раздаётся голос в наушнике.

– Я уже всё сделал. К чему эти вопросы? – спокойно отзывается молодой человек, входя в квартиру этажом ниже.

– Я вообще не буду это комментировать, – через некоторое время произносит голос.

– Это мудро, – бросает кареглазый и достаёт наушник из уха.

Тот повисает на его плече, не подавая признаков «жизни».

Тем временем молодой человек осматривает квартиру, проверяет на наличие мебель и все необходимое.

– Вполне пригодно, – отмечает в итоге и идёт мыть руки.

– Тебе необязательно было так близко к ней подбираться, – оживает аксессуар на его плече.

– Ты ведь вызвался мне помочь, а не анализировать мои действия, – замечает молодой человек, не спеша возвращать второй наушник в ухо.

– Если ты попадёшь в беду – мне влетит, – замечает голос.

– Считаю, я в беде с тех пор, как умер мой брат, – сухо отзывается молодой человек.

– Ты понимаешь, о чём я.

– Всё, я отключаюсь, – произносит кареглазый и отключает связь.

Смотрит в зеркало на стене. А затем спокойно моет руки и умывает лицо.

Цель, с которой он приехал в эту страну, неожиданно оказалась сложно достижимой, но ему было не в первой сталкиваться с препятствиями.

А со своего пути он никогда не сворачивал и никогда не отступал.

Вот и теперь не собирался...

Пройдя на кухню, молодой человек сразу проверяет хо-

лодильник, достаёт купленные для него заранее продукты и начинает готовить ужин. В какой-то момент он вдруг поднимает голову и смотрит на потолок, словно над чем-то раздумывая... а затем вновь возвращается к готовке.

– Что-то здесь не сходится, – негромко произносит он, погруженный в свои мысли, продолжая наполнять кухню насыщенными ароматами азиатских специй.

Тем временем, Стася, сидевшая на кухне этажом выше, откусывает кусочек печенья и смотрит на темнеющее небо.

Город постепенно успокаивался и готовился ко сну. Впереди было начало рабочей недели. Впереди ждал новый виток жизни, новый узел на судьбах героев, новый шанс найти ответы.

Город знал, как развлечься.

Город дарил возможности.

Город любил своих детей...

Глава 3. О том, что случилось дальше

– Да, милый, я поняла, скоро буду, – девушка сбрасывает вызов и поворачивается ко мне, – а можно побыстрее? Это же не так сложно – два капучино на вынос сделать.

– Конечно. Ваш заказ будет готов через минуту, – отвечаю и поворачиваюсь к Карине.

Та закатывает глаза и увеличивает скорость своих действий ровно на один процент. Я же начинаю обслуживать следующего клиента.

В итоге Латте был готов раньше, а девушка, заказавшая капучино, наградила меня уничтожающим взглядом.

– Объясните, почему не вы приняли мой заказ? – спрашивает она меня, игнорируя людей, стоявших позади неё.

– Я его приняла, – спокойно поясню.

– Но сделали не вы, – продолжает настаивать она.

– Да, потому что нас двое. И мы разделяем обязанности, – отвечаю ей.

– Но заказ той девушки вы сделали сами, – указывая вслед ушедшей обладательницы Латте-на-вынос, докапывается она.

– Вам не нравится ваш капучино? – не выдерживает Ка-

рина.

Я поджимаю губы. Если бы здесь был Олег, ей бы уже вле-
тело.

Или не так: если бы на её месте была я, и это увидел Олег,
меня бы уже оштрафовали.

– Вы делали его слишком медленно, – разворачивается к
Карине девушка.

– Я сделала его за три минуты, – парирует Карина-ти-
ре-моя-головная-боль.

– Вы считаете, это быстро?

– Я считаю, что это не медленно, – уверенно отрезает Ка-
рина.

– С таким гонором вам не кофе готовить надо, а страной
управлять. Как же вас сюда занесло? – качает головой девуш-
ка, забирает свой заказ и уходит.

А я стою и кое-как давлю улыбку. Это было неожиданно.
И это было в самую точку.

– Ты чего лыбишься? – тут же огрызается Карина, заметив
выражение моего лица.

– А кто мне это запретит? – спокойно спрашиваю, а затем
принимаю следующий заказ.

– Ненавижу таких выпендрёжниц, – сквозь зубы цедит
медноволосая дива нашего кафе.

Ничего не отвечаю. Не зеркало же перед ней выставлять.

Боюсь, намёка не поймёт...

– Ох ты ж, – неожиданно оживает наша фифа, а затем и

вовсе забывает о недавнем конфликте с посетительницей, – это что за красавчик?

Провожу оплату, поднимаю глаза и вижу... незнакомца из моего подъезда.

– Так, давай-ка, ты иди, делай заказ, а я на кассе постою, – Карина вытесняет меня, быстро поправляя свою идеальную причёску.

Стою и пару секунд рассуждаю – тратить на неё или нет? Выбираю второй вариант и иду делать заказ, который сама только что приняла.

– Добрый день! – расплывается в улыбке Карина, – Вы что-то выбрали?

Упаковываю шоколадные круассаны, не глядя на кареглазого незнакомца. Но молчание, затянувшееся на несколько секунд, заставляет меня бросить на него быстрый взгляд.

Молодой человек стоит и с задумчивым видом смотрит на надпись с перечнем напитков на доске.

Не знаю почему, но усмехаюсь. Наверное, для него наши буквы – такие же «иероглифы»... хорошо, что рядом с названиями были нарисованы кружки и стаканы с содержимым.

Вручаю заказ и прощаюсь с клиентом, а затем встречаюсь с карими глазами...

– О! – реагирует молодой человек.

А я вновь усмехаюсь. Он забавный.

– Здравствуйте, – чуть склонив голову, здороваюсь с ним.

– Вы что-то выбрали? – повторяет свой вопрос Карина,

которой очень не понравилось то, как молодой человек отреагировал на меня.

– Americano, – отвечает тот, взглянув на Карину.

– Так, один Американо. На вынос или сядете в зале? – хлопнув на него ресницами, спрашивает она.

Молодой человек выглядит растерянным и переводит на меня взгляд, жаждущий помощи.

– Here? – негромко спрашиваю, указывая рукой на зал и вновь ощущая, что на губах сама собой появляется лёгкая улыбка.

И почему его беспомощность меня так забавляет?..

– Yes, – словно даже с облегчением кивает молодой человек и неловко улыбается.

– O, you speak English? – глаза Карины загораются.

Интересно, с чего вдруг? Её уровень языка – это две общеизвестные фразы. Но, кажется, она не одна такая...

Между бровей молодого человека появляется складка. Он явно не знает, как лучше ответить.

– Он только пару слов знает, – тихо отвечаю Карине.

– Вы что, знакомы? – также тихо спрашивает та в ответ.

– Не то, чтобы знакомы... – поднимаю взгляд на кареглазого обаяшку.

Да, для меня он именно обаяшка: весь такой неловкий, немного растерянный и невероятно обаятельный.

– Может, возьмете что-нибудь ещё? – неожиданно для себя спрашиваю его, а сама указываю на витрину со сладостями.

ми.

Не знаю, с чего вдруг во мне проснулась эта забота? Но почему-то я ощущала некую ответственность за этого человека. Как будто это была моя вина – что он приехал в Россию без знания языка...

Молодой человек несколько раз кивнул и рукой указал на тарталетку с голубикой. Хороший выбор. Я их тоже люблю...

– Тогда проходите в зал. Мы принесём ваш заказ, – вытягивая руку, делаю приглашающий жест.

Молодой человек энергично кивает, а на его лице вновь появляется скромная, но очень милая улыбка.

– Какой зайка, – вздыхает Карина, когда он отходит и занимает свободный столик.

Я молча начинаю делать его заказ.

– Эй.

Оборачиваюсь к Карине.

– Не рассказывай Олегу о том, что произошло, – ровно произносит она.

– Ты о том, как ты нахамила той девушке? – также ровно уточняю.

– Я ей не нахамила, – огрызается Карина.

– Рано или поздно Олег услышит, как ты общаешься с посетителями. И тебя уволят, – спокойно отвечаю ей, даже не думая заводиться.

– За словами следи, – тихо цедит Карина, понижая голос.

Никак не реагирую, беру заказ обаяшки и несу в зал.

Когда раскладываю перед ним, он кивает головой, благодаря, и вновь неловко улыбается.

И вновь я улыбаюсь в ответ... Да что же это?.. Почему его улыбка такая заразная?..

Возвращаюсь к кассе со странным ощущением внутри. Даже немного хмурюсь, пытаюсь понять, что со мной?

А в следующий момент в кафе заходит Джэ Хва с парой новых телохранителей.

– Стася, – усмехается сын господина Кана, останавливаясь напротив меня, – *обслужишь?*

– Если вы пришли за кофе – то, конечно, я приму ваш заказ, – перефразировав суть вопроса, ровно отвечаю ему.

Вижу боковым зрением, как напрягается Карина.

– Эй, крошка, поработай-ка пока за двоих, – отдаёт распоряжение девушке Джэ Хва, – а нам с твоей коллегой нужно пообщаться.

– Это... – теряется Карина.

– Это не так уж и сложно, правда? – чуть холоднее произносит Джэ Хва и переводит взгляд на меня, – Я приму заказ воон за тем столиком, – кивнув себе за спину, отвечает парень и отходит назад.

Стою без движения. Такой наглости я не ожидала. Он никогда не позволял себе приходить на мою работу.

– Если вы сидите в зале, вас обслуживают официанты, – произношу, глядя Лину в спину.

– Я видел, как ты только что возвращалась из зала. Значит,

в некоторых случаях ты берёшь на себя эти обязанности? – нехорошо усмехается Джэ Хва.

Поджимаю губы. Только скандала на работе мне не хватало. Неужели он не соображает, как может мне навредить?!

– Карина, я приму заказ, – произношу негромко и выхожу из-за стойки.

– Присядешь? – предлагает Джэ Хва, когда я подхожу к нему.

– Так не принято, – коротко отвечаю.

– Стася, я ведь по-хорошему пришёл, – понижая голос и переводя взгляд на свои ладони на столе, произносит сын господина Кана.

– Если бы ты пришёл по-хорошему, то не устраивал бы сцен и не ставил бы меня в неловкое положение, а, как минимум, дождался бы конца моей смены, – произношу без эмоций, не глядя на него.

– Если бы я пришёл к тебе после твоей смены, ты бы со мной даже не заговорила, – отрезает Джэ Хва, и мне нечего ему ответить – он прав.

– Вот меню, – кладу его перед ним, – позовите, когда будете готовы озвучить заказ.

– Я готов озвучить заказ, – его голос останавливает меня в тот момент, когда я уже разворачиваюсь, чтобы уйти; приходится вернуться, – Я хочу услышать правду, – четко произносит Джэ Хва.

– Этого нет в меню, – спокойно отвечаю.

– Не провоцируй меня, Стася. Я могу быть очень неприятным, – негромко предупреждает сын господина Кана.

Мне ли не знать.

– Не ставь меня в это положение, – прошу серьёзно.

– Какое положение?

– Когда я вынуждена помнить о том, кто твой отец, – отвечаю.

На некоторое время устанавливается тишина.

– Это и есть та причина, по которой ты избегаешь меня? – спрашивает Джэ Хва спустя несколько долгих секунд.

Ничего не отвечаю.

– Ответь мне, – повторяет он.

– Вы сделаете ваш заказ? – спрашиваю ровно.

– Я не буду делать этот чёртов заказ! – повышая голос, отрезает парень.

Разворачиваюсь, чтобы вернуться, но он хватается меня за запястье:

– Я тебя не отпускал.

– Ты делаешь мне больно, – произношу так тихо, как только могу.

– Скажи, кто тот смертник? Просто назови имя, и я от тебя отстану.

– Ты про кого говоришь? – наконец, поворачиваю к нему голову и встречаюсь взглядом, – Про того человека, что защитил меня от твоих отмороzków?

– Девка-то нарывается, – замечает низкорослый, который

с самого прихода в кафе не отрывал от меня пристального взгляда.

– Рот закрыл, – ровно осекает его Джэ Хва.

Тот быстро отводит взгляд.

Смотрю на низкорослого, затем на второго детину. Потом на Джэ Хву.

– И это твой уровень? – спрашиваю спокойно.

Его отец никогда не нанимал шпану с улицы. Эти же... *телохранители* существенно принижали статус своего нанимателя.

– Не выводи меня, иначе на деле узнаешь, какой у меня уровень, – холодно произносит сын господина Кана, и я слышу откровенную угрозу в его словах.

– Я понятия не имею, кто тот человек. Но он защитил меня от домогательств твоих новых *телохранителей*. Поэтому, – выдёргиваю свою руку, стараясь не смотреть на запястье, на котором к вечеру явно расцветёт синяк, – даже если бы я знала его в лицо, я никогда бы тебе об этом не сказала.

– Нарываешься.

Одно слово, а у меня мурашки по спине побежали. Да, я никогда не позволяла себе ничего подобного в отношении Джэ Хвы. Я вообще старалась не общаться с ним – насколько это было возможно.

Но парень всегда находил способ влезть в зону моего комфорта.

– Ты сейчас можешь сделать очень большую ошибку, Стася. Моё терпение тоже не безграничное. Не делай меня своим врагом, – произносит предупреждение Джэ Хва, а затем резко поднимается с места, вырастая надо мной. Машинально отступаю. При этом ничего ему не отвечаю – и так уже наболтала лишнего. – На чай, – он бросает пару крупных купюр на стол и выходит из кафе; вслед за ним выходят и его костоломы.

Провожая взглядом их процессию. Затем невольно оборачиваюсь на столик кареглазого...

Чёрт. Кажется, он всё видел. Хорошо, хоть не понял... Но по взгляду можно понять: увиденное ему не очень понравилось.

Поджав губы, смотрю на купюры на столе.

Идиот. Кто оставляет «на чай» две тысячи, не сделав заказа?.. Забираю купюры и иду на своё место. Если он думал меня оскорбить или как-то выпендриться передо мной – то просчитался: я не выношу людей, которые не знают цену деньгам. Зато очень хорошо знаю, на что их можно потратить, когда они мне достаются.

– А ты не гордая, – замечает Карина с усмешкой.

– Ты про что? – ровным голосом спрашиваю.

– Про деньги, – бросает мне девушка.

– Думала, я не возьму, и надеялась, что тебе достанутся? – прямо спрашиваю у неё, останавливаясь и разворачиваясь к ней всем телом.

Вижу, что Карине нечего ответить, поэтому несколько секунд она молчит.

– Я вот всё понять не могу: что с тобой не так? – наконец, спрашивает она, склонив голову.

– Каждый день задаюсь тем же вопросом, Карина, – отвечаю спокойно, вновь вставая к кассе и принимая новый заказ.

***

– Вот ведь ушлёпки, – негромко произносит молодой человек, прикрывая рот кружкой кофе.

– Сколько их было? – спрашивает голос из наушника.

– Трое. Сынок и двое телохранителей, – продолжая скрывать свой разговор, едва слышно произносит молодой человек.

– Что будешь делать?

– Если будут мешаться – уберу, – спокойно отвечает кареглазый.

– Уберёшь? – недоверчиво переспрашивает голос.

– Отправлю поправлять здоровье. Так понятней? – сухо поясняет молодой человек.

– Мне проверить их?

– Пока нет смысла. Их наняли недавно. Лучше достань мне полицейский отчёт с места происшествия и заключение судмедэкспертов; не хочу лезть в госучреждения без особой

нужды.

– Ты начал сомневаться в способе убийства? – осторожно спрашивает голос.

– Я знаю, что брата сбила машина, – холодно отвечает молодой человек, – я сомневаюсь в том, *кто* это сделал и зачем.

– С чего вдруг такие сомнения? – через несколько секунд молчания спрашивает голос.

Молодой человек тоже не торопится отвечать. Он внимательно смотрит на Стасю, стоящую у кассы.

– Не похожа она на дочь убийцы, – негромко произносит он и поднимает руку вверх, давая понять, что готов расплатиться.

Девушка быстро замечает его и подходит к столику; кладёт счёт рядом с пустой кружкой и некоторое время стоит в нерешительности...

– Наличные или карта? – наконец, мягко уточняет она.

Затем выпрямляется и поднимает взгляд в потолок, словно что-то припоминая.

– Cash? Or card? – неуверенно спрашивает, заглядывая в глаза.

Молодой человек спокойно встречает её взгляд и удерживает внутри усмешку, готовую сорваться с губ.

– Card, – отвечает он и на этот раз позволяет себе небольшую улыбку.

– О! Тогда я принесу терминал. Подождите минуту, – Стася тут же отходит от столика и не успевает заметить, как мо-

лодой человек-таки усмехается, глядя ей вслед; но тут же берёт себя в руки, возвращая лицу немного потерянное выражение, когда девушка возвращается, чтобы провести оплату.

– Вот, пожалуйста, – она возвращает ему карту и прикусывает губу, на мгновение уплывая в неприятные воспоминания.

«Должно быть, думает о том, что я увидел здесь десять минут назад», – проносится мысль в голове молодого человека.

– Мне очень жаль, что... – начинает, было, Стася, но замолкает; а затем и вовсе встряхивает головой, – Хорошего вам дня! – в итоге, бодро заканчивает она.

Молодой человек кивает, делая вид, что понял «общий посыл её речи», затем поднимается, убирает карту в портмоне и идёт на выход; а у самых дверей останавливается, разворачивается... и поднимает руку, после чего неловко машет на прощание, вызывая улыбку на лице девушки.

– Нужно выяснить, какая связь между ней и господином Каном, – мгновенно меняясь в лице, произносит он, как только дверь за ним закрывается.

– А какая связь между ней и Джэ Хвой тебя не интересует? – усмехается голос в наушнике.

– Очень смешно, – сухо отзывается кареглазый, – как раз там-то всё ясно.

– А она довольно смелая, если смогла отвергать его так долго, – замечает голос.

– Джэ Хва не изменился. Каким был придурком в детстве, таким и остался, – фыркает молодой человек.

– Чон У, ты уверен, что на твои сомнения не повлияло то, как хороша дочь убийцы твоего брата? – прямо спрашивает голос через несколько секунд молчания.

– Ты её не видел – откуда знаешь, что она хороша? – без интонаций спрашивает молодой человек, резко останавливаясь за углом.

– Мне хватает твоих действий, чтобы сделать выводы, – замечает голос.

– А мне сейчас хватит терпения, чтобы сдержать в себе всё, что я хочу сказать тебе по этому поводу, – ровно отвечает Чон У, глядя перед собой очень нехорошим взглядом; голос ничего не отвечает, – Я хочу, чтобы ты запомнил раз и навсегда – я здесь для того, чтобы выяснить, что случилось с братом. Если подтвердится, что отец этой девушки действительно его убил, я докопаюсь до причины и использую для этого все возможные методы. Но до того момента я не буду устраивать самосуд и развешивать штампы на людей, основываясь на беспочвенных подозрениях. Мы друг друга поняли?

– Поняли, – отзывается голос через несколько секунд молчания, – Но я не понимаю, в чём смысл притворяться, что ты не знаешь языка, когда тебе нужно спросить у девчонки прямо: знает ли она что-то о той трагедии? – упрямо произносит он.

– Я обязательно задам этот вопрос, – сухо отвечает молодой человек, – Но не устами её нового соседа по подъезду.

– Что, продолжишь играть в «защитника»? – усмехается голос.

– Скорее, в ловца, – также, но без веселья, усмехается кареглазый, – На моё появление отреагировали... но совсем не так, как я ожидал. Какое дело господину Кану до этой девочки – вот, что интересно. Почему он дал ей своё имя для защиты? И почему так неожиданно отреагировал на обычную стычку с телохранителями его сына? Или здесь снова дело в ней?.. Вот, что ты должен выяснить.

– Понял тебя, – ровно произносит голос и отключается.

А молодой человек возобновляет шаг и идёт вперёд, о чём-то глубоко задумавшись.

***

– Всем до свидания, – прощаюсь и выхожу из кафе через служебный ход.

Вставляю наушники в уши, включаю музыку и направляю стопы в сторону дома. Настроение – несмотря на все стычки с Кариной, которые сегодня следовали просто одна за другой, – у меня было хорошим; в основном этому способствовала мысль, что завтра на смену снова выйдет Рита. Память об этом факте давала силы игнорировать все старания нашей дивы вывести меня из равновесия...

И, не знаю – расслабилась я в итоге или нет, потеряла бдительность или просто устала за день и не зафиксировала, куда сворачиваю... но факт остаётся фактом: я снова пошла домой короткой дорогой.

И когда передо мной появился коротыш со своим другом – огромным детиной, я скорее удивилась, чем испугалась.

Убираю наушники и устало смотрю на них.

– Что опять? – спрашиваю прямо.

– Нам вот интересно, ты кто такая? С чего вдруг из-за тебя столько шумихи? – вроде бы спокойно спрашивает низкорослый, но я вижу – он еле сдерживает свою злобу.

– Может, тебе лучше спросить об этом у своего босса? – перевожу взгляд с одного отморозка на другого; пытаюсь понять, знает ли Джэ Хва, где ошиваются его так называемые «телохранители»?

– Я сам решу, у кого мне спрашивать, – огрызается низкорослый, а «детина» делает предупредительный шаг в мою сторону, – Я проверил тебя. Ты вообще никто и звать тебя никак. Твой отец сидит в тюрьме за убийство человека, а ты продаёшь кофе днём и подрабатываешь в ночном клубе шесть раз в месяц. У тебя никаких связей. И никакого счёта в банке. Так какого хрена над тобой носятся, как над золотым яйцом?! – повышает голос (по всему выходит) главарь шестёрки.

Видать, задело его то, как Джэ Хва его осёк.

– Этот вопрос не ко мне, – спокойно отвечаю, – у тебя – всё?

– Ты реально такая бесстрашная? Или перед нами понтуешься? – низкорослый подходит ко мне и вглядывается в лицо.

– Мне нечем понтоваться: ты всё верно сказал, – произношу, глядя ему в глаза, – но трогать меня тебе запретили. Так что ты здесь делаешь?

– Чё ты с ней беседы ведёшь? – подаёт голос второй отморозок, – Вдарь пару раз, чтоб не огрызалась. Этот узкоглазый только рад будет, когда она присмирееет.

– Брат дело говорит, – нехорошо усмехается первый...

Начинаю отступать от него.

Что это за дуболомы такие?.. Они что, не знают, на кого работают?.. Или Джэ Хва дал им установку: испугать меня, чтобы я стала послушной?..

А если он действительно дал им такую установку?..

...

А если – *не давал*?..

Страх накатывает волной – и сразу же накрывает с головой. Святая уверенность, что имя господина Кана уберёжёт меня от всех невзгод, неожиданно даёт трещину...

Кажется, я впервые на самом деле начинаю бояться за свою жизнь...

– Куда пошла, овца? – холодно интересуется главарь шестёрки, а затем начинает стремительно наступать, – На месте

стой. Сейчас мы тебя будем разуму учить.

Отступаю ещё на шаг, попадаю в какую-то неровность на асфальте, начинаю заваливаться назад... как вдруг ощущаю рывок – и меня утягивает в сторону, за угол складского помещения. А в следующую секунду лицо низкорослого встречается с кулаком парня в маске.

Боже... он появился... он опять появился, когда я оказалась в опасности...

Он что, мой ангел-хранитель?..

– Твою ж!.. – вскрикивает «телохранитель» Джэ Хвы, хватаясь за нос.

– Вы либо слабоумные, либо реально смертники, – проносит молодой человек через тканевый респиратор, вставая передо мной, – что сложного – запомнить, что её трогать нельзя?..

– Это ты слабоумный, говна кусок, – выругавшись, отвечает отморозок, продолжая держаться за нос, а затем я понимаю, насколько всё серьёзно...

Из заброшенного гаража, что располагался напротив нас, не торопясь и поигрывая ломом и прочей атрибутикой «плохих парней», выходит человек десять. Среди них и Джэ Хва: в белом пиджаке и льняных штанах, словно он не драться собрался – а наблюдать за побоищем со стороны. Собственно, уверена, он так и поступит...

– Чёрт... – шепчу, глядя на то, как эти отморозки приближаются, – прости меня... – закрываю рот, боясь даже пред-

ставить, что сейчас сделают с моим заступником...

Они устроили ему ловушку. Они знали, что он следит за мной! Но как? И почему?!

– Успокойся.

Поднимаю голову и удивленно смотрю на парня в капюшоне. Он стоит спиной ко мне, но даже так и даже через его респиратор я отчётливо слышу: он не боится.

Он бессмертный, что ли?!

– Даже не знаю, стоит ли с тобой знакомиться – или просто убрать тебя по-тихому и забыть навсегда? – протягивает Джэ Хва, останавливаясь в паре метров от нас.

– Предпочитаю сам выбирать время для знакомства, – отвечает ему молодой человек.

– Любопытный экземпляр, – оценив ответ, замечает Джэ Хва, – пожалуй, мы всё же поболтаем. Поломайте ему ноги. И руки, – бросает он своим отморозкам.

– Ты с ума сошёл? Тебя ничего в этой ситуации не напрягает?!

С изумлением понимаю, что эти слова произнесла я. И произнесла громко.

– Что должно меня напрягать? – остановив своих псов рукой, спокойно уточняет Джэ Хва.

– Да хотя бы то, что я всё это вижу! С чего ты взял, что я буду молчать?!

И вновь я слишком поздно соображаю, что мой рот открывается и воспроизводит звуки самостоятельно. Чёрт, неуже-

ли я настолько смелая? Или я действительно – отмороженная?!

– Мы с тобой обязательно обсудим всё, что здесь произойдёт, – усмехается Джэ Хва, глядя на меня с таким холодом, что меня мгновенно начинает знобить, – А сейчас отойди в сторону: я не хочу, чтобы твоё личико пострадало.

Уходить в сторону не собираюсь. Почему-то иду и встаю перед парнем в маске.

– Ты совсем бестолковая? – кажется, даже вздохнув от моей глупости, спрашивает тот и передвигает меня обратно за свою спину.

– Они не будут бить меня, – упрямо произношу, не желая становиться причиной его будущей инвалидности.

– Будут, – спокойно отрезает парень, а затем резко отталкивает меня к стене – и тут же принимает на руку удар битой, но успевает перенаправить энергию движения, и вот уже бита в его руках, – отвернись, – произносит громко, и почему-то я догадываюсь, кому адресована эта команда...

Не знаю, куда подевалась моя смелость, и почему я вдруг его послушалась, но я отбегаю от дерущихся, захожу за выступ в стене, спускаюсь на корточки, опускаю голову и закрываю уши.

Когда понимаю, что это не спасает, и я слышу *всё*, я втыкаю наушники и включаю музыку на полную громкость. Группа FTISLAND с их композицией «Pray» мгновенно заглушает все остальные звуки и позволяет ненадолго абстра-

гироваться от того ужаса, что происходил в паре метров от меня. Я слушаю трек и чувствую, как колотится моё сердце. Как давно это было? Как давно в последний раз я ощущала столько эмоций?.. Не знаю, хорошо это или плохо, но, кажется, я начала выходить из своего «зомбо-состояния», как звала это Динь-динь...

И теперь мне страшно.

Я сижу за выступом, с плотно закрытыми глазами, и понимаю, что не хочу увидеть избитым парня в респираторе, когда перестану жмуриться и найду в себе силы поднять голову и выглянуть наружу из своей норки. Он не виноват в том, что Джэ Хва набрал отморозков в свою банду «телохранителей». Он не виноват, что стал свидетелем того, как они приставали ко мне. Он вообще ни в чём из этого не виноват! Так какого черта Джэ Хва его наказывает?! Где здесь справедливость?! И как долго сила будет решать всё?!?!

Когда на моей руке появляется чья-то ладонь, я вздрагиваю.

Поднимаю голову и смотрю... в темноту капюшона. Темнота на улице так же не помогает мне разглядеть черты лица моего спасителя. Молодой человек осторожно вытягивает за провод наушники из моих ушей, а затем кладёт их в мою раскрытую ладонь.

– Ты в порядке? – спрашивает тихо.

– Я? – изумленно спрашиваю у него, – Я в порядке... А ты?..

– Встать можешь? – не отвечая, уточняет пареньь.

Поднимаюсь на ноги, хочу выглянуть и посмотреть, что с остальными, но молодой человек меня удерживает:

– Не надо, – спокойно произносит он.

– Я... Джэ Хва... – выдавливаю из себя, не зная, как пояснить, что здоровье сына господина Кана может дорого ему обойтись.

– С ним всё в порядке – я отпустил его. Он хорошо бега-ет, – ровно отвечает парень в маске, а затем останавливает меня за плечи, когда я вновь хочу посмотреть на место дра-ки, – возвращайся домой по другому пути, – произносит он, продолжая удерживать меня на месте.

– Зачем ты сделал это? Зачем заступился за меня? – спра-шиваю у него прямо.

– А ты зачем заступилась за меня? – вопросом на вопрос отвечает тот.

А я замечаю, как старательно он произносит слова, словно пытается донести какую-то мысль.

– Тебя поймали из-за меня!.. Ты следишь за мной? – чуть нахмурившись, спрашиваю.

Очень жду ответа, но его всё нет...

– Слишком много вопросов на сегодня, – наконец, мед-ленно произносит молодой человек, а затем разворачивает меня на сто восемьдесят градусов, – иди домой.

– Позволь увидеть твоё лицо, – выворачиваюсь из его рук и тянусь к капюшону, но парень мгновенно отступает и по-

чему-то хватается за свою руку (в районе предплечья), которую я невольно откинула во время разворота.

Смотрю на него широко открытыми глазами.

Только сейчас до меня доходит, что у него наверняка куча синяков, а может – и гематом!

А может – и переломов!!!

– Тебе надо в больницу! – взволнованно произношу.

– А тебе надо домой, – повторяет молодой человек, вкладывая чуть больше силы в свои слова.

Спорить с ним бесполезно: лучше послушаться и позволить ему пойти и залечить свои раны.

Киваю, виновато глядя в пол, разворачиваюсь и иду в обратную сторону. Затем останавливаюсь и, не оборачиваясь, произношу:

– Спасибо.

И вновь возобновляю шаг...

Даже представить не могу, как дорого обошлась ему эта победа.

Если бы не я, он бы никогда не оказался в таком положении...

Что за ерунда происходит с моей жизнью?!

Глава 4. Пробуждение

– Да всё с ним будет в порядке, – голос Динь-динь по телефону звучит устало.

Она уже полтора часа меня успокаивает.

– Он так схватился за руку... – протягиваю, закрывая лицо рукой.

– Это естественно: он же с толпой бандитов дрался! – уже в сотый раз повторяет подруга, – Неужели ты думала, что он уйдет без синяков?!

– Это я во всём виновата! – вновь затягиваю пластинку.

– Слушай, если сейчас не прекратишь, я встану с дивана и приеду к тебе. Хочешь?! – предупреждение звучит грозно.

– Нет, пожалуйста, оставайся дома! – тут же беру себя в руки.

Если Динь-динь приедет, то спать я лягу во втором часу ночи и ни разу не высплюсь.

– То-то! – прям вижу, как она поднимает указательный палец вверх, – Тогда приходи в себя и успокаивайся. Своими переживаниями ты ему точно не поможешь.

– Ты права, – падаю на кровать и лежу неподвижно, удерживая телефон у уха, – но я не понимаю: зачем он это сделал? Зачем ответил на эту провокацию? Он же мог спокойно сбежать, когда понял, что я знакома с Джэ Хвой, и что он

меня не тронет!

– Этот Джэ Хва – тот ещё козёл! – тут же вставляет свои пять копеек Динь-динь, – Нет бы прощения попросить за действия своих телохранителей! Так он ещё и ловушку устроил! Не, ну, как таких земля носит?!

– Я понятия не имею. Но сказать, что Джэ Хва упал в моих глазах – это ничего не сказать. Падать ниже просто некуда. Если раньше он был в конце моего рейтинга, то сейчас он вне какого-либо рейтинга в принципе.

– Боже, ты что, рассматривала его в качестве своего парня? – изумляется Динь-динь.

– Я – нет. А он себя рассматривал. Но теперь уже точно может ни на что не надеяться: я даже разговаривать с ним не буду, – произношу с холодом.

– А если он снова к тебе на работу придёт? Что будешь делать? – задаёт ТОТ САМЫЙ вопрос Динь-динь, – Расскажешь господину Кану?

– Нет, этот вариант исключен, – отрезаю, глядя на потолок, – если он сделает это снова... придётся что-нибудь придумывать. Но я это так просто не оставлю.

– Ты помнишь про пятницу? – осторожно напоминает подруга.

– Как можно забыть? – вздыхаю.

То, что мы обязательно пересечёмся в ночном клубе – это факт: Джэ Хва всё время там зависает на выходных.

А в этот раз я буду работать там и пятницу, и субботу...

– Блин, ну, ты и влипла, – протягивает Динь-динь.

– Сама в курсе, – ещё тяжелее вздыхаю, затем смотрю на часы, – Ладно, мне пора ложиться – иначе не высплусь. Спасибо, что поговорила со мной.

– О чём речь? Я же твоя подруга, – фыркает Динь-динь.

– Спасибо тебе, подруга, – улыбаюсь и сбрасываю вызов.

Некоторое время лежу на спине.

Хоть я и сказала, что собираюсь уснуть... было очевидно, что сделать это не получится: я слишком взволнована.

Хоть в аптеку за успокоительным иди...

Собственно, так я и поступлю: иначе и впрямь не смогу выспаться и завтра буду весь день клевать носом.

Встаю с кровати, натягиваю тёплый свитер и выхожу из дома. Хорошо, что рядом есть круглосуточная аптека...

Когда вхожу в помещение, невольно останавливаюсь: у кассы стоит мой новый сосед по подъезду. Ничего себе! Как он, интересно, покупает что-либо, если даже языка не знает? Подхожу к нему и замечаю в окошке бумажку с названиями лекарств на русском.

– Здравствуйте, – здороваюсь с женщиной на кассе.

Та здоровается в ответ, а мой сосед оборачивается и смотрит на меня. И, если в первую секунду взгляд его был очень напряженным, то уже буквально в следующую – он смягчился и вновь стал привычно растерянным и обаятельным.

– Здравствуйте, – здороваюсь и с ним, кивая головой.

Тот кивает в ответ и неловко переступает с ноги на ногу, подходя чуть ближе к окошку.

Женщина в этот момент как раз складывает в пакет бинт, лейкопластыри и что-то из обезболивающего. Так! А с ним-то что случилось? Присматриваюсь к той части лица, которую я могла увидеть со своей стороны, и замечаю наливающийся синяк на скуле.

– Боже, на вас кто-то напал? – сама не замечаю, как кладу руку ему на плечо.

Молодой человек поворачивает ко мне голову и смотрит полувопросительно-полу-растерянно.

– Кто это сделал? – указываю пальцем на его скулу.

– Да что, в нашем районе отморозков мало? – фыркает женщина на кассе, – Увидели, что по-русски ни «бэ», ни «мэ», вот и побили.

Поджимаю губы.

– Who did this? – вспомнив уроки английского, настойчиво спрашиваю молодого человека.

Если это были люди Джэ Хвы... если после встречи с тем парнем в маске они вымещали свой гнев на первых встречных...

– О... – кажется, мой сосед понимает, о чём я спрашиваю, но его ответ мне не особо помогает: он неловко пожимает плечами.

Ну, конечно, он не знает – кто это был. И естественно он не сможет описать внешность нападающих – не при нашей

языковой пропасти.

Чёрт.

– С него три тысячи двести рублей, – произносит женщина.

Молодой человек тут же достаёт свою карту и прикладывает к терминалу.

А я с подозрением смотрю на женщину. Это что надо было такое купить, чтобы три тысячи вышло?.. Но заглянуть в пакет, конечно, не позволяет воспитание.

Ладно, разберёмся.

– Мне фитоседан; номер два, пожалуйста, – быстро произношу и достаю сотку из кармана.

Так же быстро расплачиваюсь, забираю товар и выбегаю из аптеки вслед за соседом. Мы вместе идём к дому: он – впереди, и я – позади, отставая на пару шагов и всё время поглядывая по сторонам. Мало ли из какого угла кто выпрыгнет? Уже довольно поздно... а район у нас и вправду не спокойный.

В дом заходим вместе, вместе выходим на внутреннюю территорию и в итоге вместе идём к своему подъезду.

– Мм... Чон У? – зову молодого человека.

Не знаю, насколько это правильно с точки зрения норм общения его народа... но смысла скрывать, что я знаю его имя – нет. Я же сама проверяла его по паспорту.

Молодой человек останавливается и немного удивленно смотрит на меня.

– Может... эм... you need help? – немного помявшись на месте, негромко спрашиваю.

Выражение лица кареглазого сложно передать. Кажется, он вообще не ожидал ничего подобного... никогда в жизни.

Он переводит взгляд на свой пакет из аптеки, потом на меня, потом на дверь подъезда... открывает рот, чтобы что-то ответить... но через секунду его закрывает, вспомнив, что... что бы он ни ответил – я не пойму.

А затем вдруг кивает, опуская взгляд вниз.

И я не могу сказать точно – какая именно эмоция в этот момент отражается на его лице.

Я киваю в ответ и возобновляю шаг. Хоть так – но помогу. Пластырь приклеить для меня – не проблема. Как и обработать какую-нибудь царапину. Я росла без матери.

Проблема возникает в лифте, когда я тянусь к кнопке этажа...

– Ой... а мы к кому едем? К тебе или ко мне? – спрашиваю, резко разворачиваясь к кареглазому, но тут же машинально отстраняюсь: молодой человек стоит слишком близко...

Неловко поправляю свитер, не зная, что сказать... и как сказать... Блин, он сейчас подумает, что я – какая-то ненормальная. Он же просто рядом был! Даже не жался ко мне.

Чёрт.

Дверцы лифта закрываются, и мы стоим на месте. Вот ведь...

– Мы поедem ко мне. Хорошо? – спрашиваю, не глядя на него, и нажимаю кнопку своего этажа.

Заходить в его квартиру после того, как навязалась с помощью и устроила такой цирк в лифте – не самая лучшая идея.

Когда мы останавливаемся, я первая выхожу на этаж и иду к своей двери; стараюсь не смотреть на парня за своей спиной. И усердно стараюсь не думать о том, что он обо всём этом думает. Да я сама не знаю, что об этом думать! Я ж незнакомого человека в дом привела!

С моей головой точно что-то не так...

– Разувайся и проходи, – указываю на пластмассовую полку для обуви и иду на кухню.

Ставлю чайник. Слышу, как мой сосед моет руки...

А он быстро осваивается на незнакомой местности! Хотя... тут скорее дело в том, что планировки наших квартир похожи. Мы встречаемся на кухне и пару секунд стоим, глядя друг на друга.

– Присаживайся, – указываю ему на стул, а сама осторожно разглядываю гостя.

Он выглядит слишком хорошо: лёгкие полуспортивные штаны, белоснежные носки и свитер сливочного цвета; всё идеально сочетается и заставляет думать о том, что парень хорошо зарабатывает. Кто же он такой?..

Мою руки, сушу полотенцем и подхожу к нему.

– Позволишь? – осторожно касаюсь его лица, поворачивая

его к свету и разглядывая скулу.

У него такая теплая кожа...

Так! О чём я думаю?!

Поджимаю губы и сосредоточиваюсь на проблеме. Удивительно, что кареглазый сосед позволяет мне творить с ним весь этот произвол – покорно поворачивая голову то так, то эдак, и при этом глядя мне в глаза.

Стараюсь не думать о том, что чувствую по этому поводу. Продолжаю осмотр; помимо синяка, у него оказалась разбита губа, а ещё краснела ссадина на подбородке.

– Покажи, что ты взял для этого? – указываю рукой на его пакет, а потом на его лицо.

Чону достаёт лейкопластырь, перекись водорода, ватные диски и гель с бадягой. Так, пока нареканий нет. Интересно, что же он такое купил, что сумма его чека перевалила за три тысячи?..

О, остановись, Стася! Это вообще не твоё дело.

С молчаливого одобрения Чон У, обрабатываю синяк, а затем ссадину на подбородке. Когда дело доходит до последнего пункта в списке, я почему-то впадаю в ступор.

Смотрю на запёкшуюся кровь на идеальной верхней губе красивого бледно розового цвета; анализирую, какой она, наверняка, будет мягкой на ощупь – эта губа... и не могу сдвинуться с места.

Как это вообще произошло?.. Как так получилось, что на моей кухне сидит незнакомый красивый молодой человек с

нереально глубокими карими глазами и такими красивыми губами, – и покорно ждёт, когда я помогу ему обработать его раны?..

Чону произносит что-то на корейском (если я правильно рассмотрела место рождения в его паспорте), заглядывая мне в глаза. Слова звучат так же мягко, как мягко выглядят его губы.

Поднимаю глаза, смотрю на него и... ничего не отвечаю.

Беру ватный диск... и опускаю руку.

– Может, с этим ты справишься сам? – указав пальцем себе на губу, спрашиваю у него.

После чего на меня устремляется такой мило-растерянный и полный ожидания, взгляд, что я не выдерживаю и громко вздыхаю.

Да, я понимаю, что ты очень хочешь понять меня – но ничего не могу поделать. Я даже на русском не смогу объяснить, что сейчас со мной происходит.

– Я... просто губы... это же очень болезненно... наверно, это лучше самому, – начинаю лепетать, отводя взгляд.

А затем застываю, потому что Чону неожиданно берёт меня за руку.

Потом осторожно забирает ватный диск из моих пальцев и смачивает его перекисью.

Я отхожу от него, кусая ногти. Не обиделся?.. Или обиделся?.. Может, чаю ему предложить?..

Блин, какой чай, когда у него губа разбита?!

– М!

Оборачиваюсь и смотрю на молодого человека: он сидит, протягивая мне антибактериальный порошок.

Пока осторожно беру упаковку, незаметно рассматриваю его губы... вроде сам управился. Ну, слава Богу...

А затем до меня доходит, что мне предлагают сделать. Ох ты ж...

Неуверенно подхожу, рукой поднимаю его лицо, встречаюсь с глазами цвета шоколада... затем опускаю взгляд на его губы... и осторожно посыпаю ранку препаратом...

Этого здесь не должно быть – его губы слишком идеальные... Они должны быть целыми и невредимыми – это же губы для поцелуев!.. наверно, для самых мягких поцелуев...

Он весь такой приятный на ощупь: его кожа, его губы, его волосы, даже материал его свитера – всё такое мягкое... его хочется трогать... Невольно провожу большим пальцем по нежной коже, распределяя порошок и убирая остатки... Перевожу взгляд на шоколадные глаза...

Ма-ма... я что тут творю?..

Делаю быстрый шаг назад и отставляю порошок на стол.

– На этом всё, – произношу неожиданно высоким голосом, – надеюсь, у тебя всё быстро заживёт!

Чон У, кажется, тоже выныривает из каких-то своих мыслей и поспешно поднимается со стула, после чего низко кланяется.

– Чаю не предлагаю: мы же только что рану обработали,

так что в следующий раз, – несу уже совсем какую-то околе-
сицу, затем стремительно иду к порогу.

Слышу, как молодой человек следует за мной, шурша па-
кетом из аптеки, но повернуться не осмеливаюсь. Нелов-
ко-то как!

Когда замечаю краем глаза, что он обулся, наконец, поз-
волю себе поднять взгляд на его лицо и растягиваю на губах
подобие улыбки.

– Пока! – взмахом руки показываю, что пора прощаться.

Кареглазый сосед кивает и открывает дверь. Я уже иду,
чтобы закрыть за ним, но замираю, когда тот внезапно появ-
ляется в проходе прямо передо мной.

– Что?.. – вырывается из моего рта раньше, чем я успеваю
подумать.

– Чон У, – произносит молодой человек, кладя руку себе
на грудь; при этом он возвышается надо мной и совсем не
стесняется того небольшого расстояния, что едва сохрани-
лось между нами.

– Да, я знаю, – киваю, глядя ему в глаза; а сама впитываю
аромат его одежды. Невероятно приятный запах.

– You? – негромко спрашивает он, указывая на меня.

– Ой... Стася, – с улыбкой отвечаю, вдруг осознав, что я
и впрямь ни разу не называла своего имени.

– Стася, – повторяет Чон У практически без акцента,
удивляя меня до глубины души.

– Да, – вновь киваю, глядя в его лицо.

– Good night, Стася, – произносит Чон У с лёгкой улыбкой и выходит из моей квартиры.

Быстро закрываю за ним и некоторое время стою у двери, держась за ручку.

Что это сейчас было?.. Почему... почему я так нервничаю?..

– Ты чего это, мать? – спрашиваю у себя, направляясь в ванную; там умываю лицо и ещё с минуту стою, глядя на своё отражение.

Что бы со мной ни творилось... это немного пугает меня.

***

Чон У заходит в свою квартиру, закрывает за собой дверь, разувается, а затем идёт в ванную и подходит к зеркалу: ссадины на лице аккуратно обработаны, со скулы уже спадает покраснение.

Молодой человек усмехается своему отражению, после чего задирает свой свитер и смотрит на огромное красно-фиолетовое пятно под ребрами...

Затем осторожно снимает свитер и разглядывает внушительный синяк на предплечье и ещё один – на боку.

Хорошо, что Она не стала осматривать его костяшки: хоть он и дрался в перчатках, опытный человек обязательно бы заметил характерные покраснения – но Чон У натянул на кисти рукава свитера, чтобы это не бросалось девушке в глаза.

Выпив антибиотик (а те ублюдки били по почкам, и рисковать здесь не следовало), и обработав все травмы обезболивающим, Чон У ложится на кровать и втыкает наушник в ухо... через пару секунд в нём раздаётся знакомый голос:

– Чего так долго?

– Так получилось, – коротко отвечает кареглазый, – они узнали о том, что мы здесь.

– Ты уверен? – напряженно переспрашивает голос.

– Я не вижу другой причины для того, чтобы нанимать в личную охрану членов бандитской группировки. Им не нужен закон – в этом случае. Это домашние разборки.

– Но они не могут знать, что приехал именно ты, – замечает голос через некоторое время.

– Верно. Я думаю, у них есть свой человек в полиции. Этот человек и рассказал им об утечке информации в прошлом месяце, поэтому Джэ Хва набрал себе телохранителей, а господин Кан вызвал к себе Стасю, чтобы расспросить о защитнике в маске... – протягивает Чон У, глядя в потолок.

– Я могу понять, что нашу атаку на серверы засекли... это возможно. Как и то, что господин Кан догадался, на что была направлена атака... но я не могу понять, с чего господин Кан вообще заботился о дочери убийцы твоего брата?.. Ведь я правильно понял, что Джэ Хва обещал ей неприкосновенность во время вашей стычки?

– Всё верно. И та поездка в офис господина Кана... думаю, девушку не запугивали. Наоборот – скорее, справлялись о

том случае, когда на неё было совершено нападение. Стася знакома с Джэ Хвой. Лично. Она даже пыталась защитить меня от него – то есть, они не в дружеских отношениях.

– Ничего не понимаю, – хмурится человек на другом конце провода.

– Я тоже не понимал, пока не осознал одну вещь: господин Кан намеренно скрыл от нас всю информацию. Его опека над дочерью убийцы и неожиданное пополнение штата охраны за счёт тех ублюдков с улиц после хакерской атаки на сервер – всё это говорит о том, что господин Кан обо всём знал. Он знал имя убийцы брата. И он знал, где всё это время брат был захоронен... Он сказал нашей матери, что он не в курсе того, что с ним случилось – и три года мы все блуждали во тьме, не зная, где искать... Он ответит за это.

– Подожди, не горячись. Да, мы смогли найти те файлы трёхгодичной давности и опознать твоего брата. Но это не значит, что господин Кан имеет к этому отношение: пусть сейчас он не близок с твоим отцом, но раньше ваши семьи дружили!

– Я не верю в дружбу, когда дело касается больших денег, – холодно произносит молодой человек; затем добавляет, – я свяжусь с тобой завтра, – и вытаскивает наушник из уха.

Что бы там ни произошло – он разберётся. И виновные будут наказаны.

Он не имеет права вернуться на родину с пустыми рука-

ми. Нет. Он вернётся с головой убийцы в мешке. И с прахом брата, место которого в Колумбарии, а не в безымянной могиле в холодной земле чужой страны.

...

Вот уже три года все его мысли вертелись вокруг одного вопроса: что случилось с хёном? Внезапное исчезновение старшего брата во время его поездки в Россию стало большим ударом для всей семьи. Никто не мог ответить на вопрос: где он? Никто не мог сказать – жив ли он вообще?.. То, что стало с их матерью, то, как быстро постарел отец...

Он никогда не забудет этого. Он раскопает всю правду и накажет всех виновных. Даже если для этого придётся преступить закон, – для него это было не в первой.

...

Неожиданно мысли сбиваются, и перед глазами появляется квартира той девушки...

Как небогато она живёт... даже не просто "небогато"... едва ли у неё есть всё необходимое! Но она так просто приводит незнакомого человека в свой дом, помогает обработать его раны... Задержись он чуть подольше, и, Чон У был уверен, она бы однозначно накормила его своей едой!

Правда, так же он был уверен, что на такой кухне кулинарные навыки особо не разовьёшь...

– Она добрая. Почему она такая добрая? – прикрыв лицо правой рукой, устало спрашивает молодой человек.

Ему никто не отвечает. В квартире он один.

Молодой человек гасит свет и закрывает глаза.

...

Она так долго смотрела на его губы... Что такого интересного она в них нашла? И то, как мило она застеснялась, когда, задумавшись, невольно провела по ним своим пальцем...

Да, после этого она буквально выставила его за дверь!

Чон У неожиданно для себя улыбается.

А затем произносит вслух имя. Её имя.

Глава 5. Первые шаги

– Я сломалась.

Рита поворачивается ко мне, осматривает с ног до головы и снова отворачивается.

– В каком месте? – ровно уточняет.

– В голове, – отвечаю, создавая шедевр под названием «Кофе-Латте-Банана-Крим».

Блин, ну, надо же было такое название придумать... мне аж стыдно вслух произносить.

О чём я вообще думаю?..

– Не знаю, как насчёт головы, но лицо у тебя помятое. Спала плохо? – спрашивает коллега.

– Заснула в три утра... при том, что выпила успокоительное, – протягиваю и подаю кофе.

– Хорошо тебя Карина вчера вымотала, – приподняв бровь ровно на сантиметр, замечает Рита.

Присматриваюсь к ней. А затем и вовсе отставляю всё, что было в руках, и внимательно смотрю.

Это ведь тоже способ защиты от окружающего мира? Такое её поведение?..

– Чего? – сухо спрашивает коллега, бросив на меня взгляд.

– Лучше бы я не просыпалась, – протягиваю и принимаю новый заказ.

У меня всё такой же дефицит времени – и в ближайшие лет пять этот дефицит никуда не денется... но теперь я словно больше вижу. Или больше замечаю.

Блин, кому за это спасибо сказать?!

Аййй! Я прекрасно знаю – кому именно...

– Ты странно себя ведёшь сегодня, – замечает Рита.

– Вчера я привела незнакомого парня к себе в дом, – произношу негромко, когда посетитель отходит от кассы.

– И зачем ты мне об этом рассказываешь? – прямо спрашивает Рита.

Перевожу на неё взгляд.

– Не знаю. Почему-то просто захотелось, – отвечаю ей.

– Мне это неинтересно, – бросает девушка и отходит в уборную.

Провожая её глазами...

Вообще, для меня такой её ответ – не неожиданность. Мы никогда раньше не делились какими-либо новостями. Особенно – новостями из личной жизни.

...

Опускаю голову и плотно закрываю глаза.

...

Да что со мной?! Я что сейчас, переживаю из-за того, что Рита не хочет идти на контакт?.. Я же только вчера радовалась тому, что сегодня будет молчаливая смена!

И почему мне так хочется поделиться хоть с кем-нибудь тем, что произошло прошлым вечером?.. С кем-нибудь, кро-

ме Динь-динь: если вывалить на неё все подробности, она скорее съест меня за то, что я чужого человека в дом завела...

Оххх... действительно, мой мозг сломан...

– Выходи.

Поднимаю голову и смотрю на Джэ Хву, стоящего перед стойкой.

Когда он успел подойти?..

Когда он вообще успел в кафе зайти?..

– Что? – не сразу понимаю, что происходит, и чего от меня хотят.

– Выходи оттуда. Нужно поговорить, – отрывисто произносит сын господина Кана и для ясности ударяет рукой по столешнице.

– Не советую так делать: сломаете – и ремонт обойдётся в копейку, – сухо замечает Рита, появляясь из служебной двери и вставая рядом со мной.

– А ты кто такая? – Джэ Хва обдаёт Риту холодом, а затем переводит взгляд на меня, – Если не хочешь, чтобы я тебе здесь проблемы устроил, выходи.

Сжимаю челюсть. Он мне угрожает? Вот так – открыто?..

– Ты один? – стою на месте, смотрю ему прямо в глаза, – А где же твоя банда? Ты их в больницу отправил – здоровье поправлять?

– Ты что-то попутала, девочка? – Джэ Хва подходит вплотную и налегает на стойку, – Хочешь, чтобы я тебя ма-

нерам поучил?

– Не хочу. Вряд ли ты чему-то хорошему научишь, – спокойно отвечаю.

– Реально страх потеряла, – даже как-то удивленно произносит Джэ Хва, – наверное, я слишком хорошо к тебе относился. Часто выделял. Так эта спокойная жизнь очень скоро может закончиться...

– Если это была такая угроза, то я, пожалуй, вызову полицию, – отвечаю ровно, – не хочу, знаешь ли, чтобы моя спокойная жизнь заканчивалась.

– Где он? Ответь мне – где он, и я пропущу это мимо ушей! – лицо Джэ Хвы заметно напрягается.

Я чётко вижу, что контроль над собой даётся ему непросто.

Да что с ним не так? Почему ему так взъелось найти того парня в маске?! Это что, ущемленная мужская гордость?!

– Я понятия не имею, где он. Мы номерами не обменивались – некогда было, – отвечаю ровно, не отводя от него взгляда.

– Ты врешь. Он всегда там, где ты, – сквозь зубы произносит Джэ Хва.

– У меня нет времени на ваши разборки! Я работаю, – произношу чётко.

– И тем не менее, ты – часть этих разборок, хочешь ты того или нет, – отрезает сын господина Кана, – не знаю, отдаёшь ли ты себе отчёт, куда влезла, но лучше бы тебе быть

послушной и пойти мне навстречу: покровительство моего отца имеет свои границы.

– Ты говоришь от его имени? – сухо уточняю, опуская взгляд.

– Ты встала на сторону того, кто бросил мне вызов, – холодно произносит Джэ Хва.

– Я встала на сторону того, кто уже трижды защитил меня от твоей шпаны, – не менее холодно отвечаю, всё также глядя на столешницу; затем поднимаю взгляд на его лицо, – и он не бросал тебе вызов. Это ты бросил ему вызов за то, что он не дал меня в обиду. Так что, прошу, не путай понятия.

– Зря ты так, – опустив голову, произносит Джэ Хва.

А затем медленно отходит от стойки, разворачивается и идёт на выход. По ходу движения отшвыривает стул, разбивая шкаф с продукцией на продажу, и отпинывает стол, опрокидывая его и заставляя посетителей испуганно вскочить со своих мест.

– Это... очень плохо, – резюмирует Рита, стоя на месте без движения.

– Это не плохо. Это катастрофа, – произношу ровно, глядя в спину уходящему молодому человеку.

Тридцать минут спустя...

– Вы же понимаете, что это катастрофа? – Олег стоит перед нами, скрестив руки на груди.

За нашей спиной ребята-официанты убирают осколки стекла с пола, а вызванный работник пытается починить шкаф. На двери в кафе висит табличка «закрето».

– И почему я не удивлен, что это происходит в вашу смену? – Олег переводит взгляд с меня на Риту и обратно; затем опускает голову и проводит языком по губам... плохой знак... – Стоимость ремонта шкафа и всей испорченной продукции будет вычтена из ваших зарплат. За простой помещения взять с вас плату я не могу... значит, урежу премию. Стася, – он поворачивает ко мне голову, – этот молодой человек приходил к тебе. И, судя по описанию, он же приходил вчера и вёл себя очень грубо по отношению к посетителям... Так что это ты привела его... Мы не можем позволить себе держать такого сотрудника в штате. Дорабатываешь месяц, и мы с тобой прощаемся.

Мужчина разворачивается и идёт в свой кабинет.

– Олег.

– Тебе что-то непонятно? – оборачиваясь, уточняет он.

– Вернись, пожалуйста.

Вижу боковым зрением, как Рита поворачивает ко мне голову.

Слышу, как затихают ребята за спиной...

– Что? – недоверчиво переспрашивает мужчина.

– Ты отчитывал нас. Ты выслушал всех очевидцев, ты даже позвонил Карине – которой сегодня не было, – произношу спокойно, – но ты не выслушал нас.

– Мне не за чем вас слушать – картина ясна. Так что помогайте ребятам убирать грязь и побыстрее открывайте кафе, – бросает мужчина и вновь отворачивается.

– Вернись и выслушай нас, – повторяю громко и чётко.

В этот раз затихают все.

– У тебя какое-то помутнение? – с искренним удивлением интересуется Олег, – переработала немного?

– То есть, выслушивать нас ты не будешь? – уточняю, глядя ему в глаза.

– Я тебе повторяю во второй раз: нет! – смерив меня презрительным взглядом, отвечает тот.

– Хорошо, – произношу ровно и отхожу к столикам в зале; сажусь в кресло.

Некоторое время смотрю вперёд, ничего не видя... Затем достаю телефон.

Вижу, как Рита озабоченно смотрит на меня. Ну, да, она пошла послушно исполнять приказ начальника – а у Олега здесь был авторитет: он исполнял сразу несколько обязанностей, объединяя несколько должностей (в том числе, и должность управляющего) и был одним из немногих, кто состоял в штате сотрудников официально.

Смотрю на экран сотового. Поджимаю губы и набираю номер.

Час спустя...

– Ты рехнулся, мальчик? – пожилой мужчина пятидесяти пяти лет смотрит на Олега внимательным взглядом.

Мы с Ритой сидим за столом в кабинете управляющего в то время, как сам управляющий стоит перед Геннадием Юрьевичем и выглядит слегка растерянно.

– Я повторяю свой вопрос: ты рехнулся? – Геннадий Юрьевич переводит взгляд на меня, а затем вновь – на Олега, – может, ты не в курсе своих обязанностей?

– Я оперативно отреагировал на ситуацию. Мы закрыли кафе только на сорок минут, – отвечает Олег, опустив взгляд.

– Вы закрыли бы его на все полтора часа, если бы я не вмешался. И из-за чего? Ты что, не мог быстро пол подмести? Как разбитый шкаф помешает посетителям брать кофе на вынос? – Геннадий Юрьевич сводит брови к переносице.

– Я заботился об имидже заведения, – произносит Олег уверенным голосом.

– Ты заботился о чём угодно, но только не об имидже заведения. Потому что закрытые двери посреди рабочего дня портят имидж намного больше, чем один буйный посетитель, – отрезает владелец кафе.

– Он пришёл к ней, – Олег указывает на меня рукой.

– Он пришёл из-за неё, не спорю. Но ты вообще знаешь, кто этот человек? – прищуриль глаза, спрашивает Геннадий Юрьевич.

Олег молчит.

– Считай, это наш VIP-клиент, и ему разрешено портить мебель в моём заведении.

– Но почему...

– Потому что на деньги его отца это кафе открывалось, идиот! – повышает голос Геннадий Юрьевич.

А Рита переводит на меня изумленный взгляд.

– И то, что он не стал крушить здесь всё вокруг – заслуга Стаси, потому что его отец заботится о ней с восемнадцати лет! – продолжает повышать голос Геннадий Юрьевич.

А у Риты увеличиваются глаза.

– Я... не знал об этом... – бледнея, произносит Олег.

– Возвращаясь к твоим обязанностям, – моментально успокаиваясь, продолжает Геннадий Юрьевич, проводя рукой по своему гладко выбритому подбородку, – ты хотел уволить Стасю. Позволь уточнить – по какой причине? Насколько я помню, Станислава у нас трудоустроена официально, и просто так её уволить нельзя – только если она нарушила правила внутреннего распорядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.